МОЙКА 48 КОРП. 5
ФУНД. Б. ИГ.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 53 (904) Воскресенье, 20 октября 1940 г. Цена 30 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Расцветающее искусство. СТИХИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИХ ПОЭТОВ. Цэдэн ГАЛСАНОВ. Перед восходом. Нимжил БАЛДАНО. Песня Андрея. НА ПИСАТЕЛЬСКИХ СОБРАНИЯХ — Киев, Минск, Хабаровск, Ростов-на-Дону. ЗА НЕДЕЛЮ.
2 стр. Р. ПЕЛЬШЕ. Хорошее начало. Н. ЧЕРТОВА. Поэт чувашского народа. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ Константина ИВАНОВА.
3 стр. С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ. «Боевые бастионы». Н. ЗАМОШКИН. Большой художник. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ. «Література і мистецтво». «Лооминг». «Пуна липпу». ПРЕЗИДИУМ ССП — С. Н. СЕРГЕЕВУ-ЦЕНСКОМУ.
4 стр. Геннадий ФИШ. Ответ читателям и письмо наркому тов. Бенедиктову. Р. ВАРТ. Поэзия Аветика Исаакяна. Александр ЯШИН. Весеннее (стихи). БИБЛИОГРАФИЯ.
5 стр. СЕГОДНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ ДЕКАДА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО ИСКУССТВА. Д. ЧЕРНИНОВ. Г. САНЖЕЕВ. Литература возрожденного народа. Иван НОВИКОВ. Поэзия бурятского эпоса. М. МИХАЙЛОВ. Лук и маски. Як. РЫКАЧЕВ. Нехитрая механика.
6 стр. И. БУКМЭН. Литературный календарь. ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ. ИНФОРМАЦИЯ. Работа писателей в Красной Армии. В бюро национальных комиссий. Литературно-музыкальные вторники. МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Расцветающее искусство

После Белоруссии — Бурят-Монголия: запад и восток страны социализма. В будущем году в столицу приедут мастера искусств Татарии, Таджикистана, Латвии, Литвы, Эстонии. Так, в Москве, центре нового, социалистического мира, скрещиваются пути-дороги многочисленных советских республик.

Говорят: искусство — зеркало жизни, в нем можно увидеть прошлое и настоящее народа, познать его думы и мечты, горести и радости, мудрость и опыт веков.

Историческая судьба бурят-монголов сложилась в высшей степени своеобразно. Отколовшись от древнего государства монголов, буряты поселились в центре огромного азиатского материка, на пространстве, где сталкивались силы могучих народов. Более слабые, чем соседи, бурят-монголы подвергались воздействию различных культур — монголов, китайцев, а впоследствии русских. Сохранившийся до XX века феодально-родовой быт впитывал, хотя и медленно, элементы более развитых общественных укладов. Но вместе с более высокой культурой, как это обычно бывает в эксплоататорском обществе, шло и закабаление.

Социалистическая революция избавила бурят-монгольский народ от прохождения мучительной стадии капитализма и, как на чудесном ковре-самолете, из условий патриархально-родового быта перенесла в условия общества, где исключена всякая кабала. Экономическая отсталость отступила перед большевистской организованностью освобожденного народа. Край кочевого хозяйства превратился в индустриально-аграрную республику, природные богатства которой — предмет колониального хищничества в прошлом — стали разумно использоваться для улучшения материального благосостояния масс. Народ, которому когда-то царский сатрап Куропаткин «разрешал» только просить милостыню, — теперь хозяин своей судьбы, равноправный строитель коммунистического будущего. Социализм принес новую культуру в улусы. До революции грамотность в Бурят-Монголии не превышала 4 процентов, сейчас — составляет 97. Народившееся под опекой ламаизма искусство обрело свободу развития. И оказалось, что этот сравнительно малочисленный народ обладает несметными богатствами художественного слова, а лучшие его произведения достигают вершины мировой поэзии.

В Бурят-Монголии в наиболее чистом виде сохранилась распространенная во всей Монголии, даже в Китае и на Тибете, прекрасная поэма «Гесер». Каждая из девяти глав «Гесериады» насчитывает до 10 тысяч стихов. В центре поэмы — образ героя Гесера, любимца всех народов Центральной Азии. В этом образе воплощена мечта о свободной жизни. Гесер, милостивый к простым людям, ведет неустанную борьбу с коварными ламами, с жадными купцами, с жестокими феодалами, с чужеземными угнетателями. Легко угадать в образе этого сказочного героя, побеждающего многочисленных врагов, символ самого народа, увидеть его исторический оптимизм, его стремление к лучшему будущему. Просветительное влияние поэмы было настолько велико, что в Тибете ее исполнителей преследовали, как противников господствующих классов и подстрекателей к бунту.

Победа советского строя восстановила во всей красоте многовековое искусство улигерменов-сказителей и как одну из важных задач культуры выдвинула воссоздание памятников художественного творчества былых эпох. Собирание бурят-монгольского эпоса еще не закончено, но уже сейчас насчитываются сотни больших поэм — настолько грандиозно это всенародное произведение художественного слова!

В поэмах о мэргэнах-богатырях явственно проступают реалистические черты творчества народа-поэта. Несмотря на фантастичность сюжетов, в основе их — реальное прошлое народа. Затерявшиеся в потоке истории подлинные события запечатлены с огромной силой художественного обобщения. Юноша Алтан Шагай, возвратившись с похода за своей суженой, видит свою страну разграбленной. Вместе с другими витязями он выступает на защиту своей родины и побеждает злого мангалхая. Не является ли эта сказочная фабула свидетельством частых набегов, совершавшихся в далекой древности на страну бурят, их героической борьбы за независимость?

Глубоко содержательна поэма о Шона-баторе. Ее распространенность среди бурятского народа можно сравнить с популярностью русской сказки об Илье Муромце. Сюжетно она много сложнее других поэм бурят-монгольского героического эпоса и, очевидно, отражает более поздний период общественного развития. Герой поэмы Шона-батор — младший сын хана, ставший в момент смертельной опасности для родины на сторону народа, против отца и своего старшего брата Церен-Галдана, вокруг которого об'единилась придворная знать, неспособная защитить землю отцов от внешнего нашествия.

После отражения врага Шона-батор выводит народ на другую землю, к озеру Байкал, чтобы избавить его от угнетения. Там создается счастливое царство вольных людей, наслаждающихся трудовой жизнью. Сюжет поэмы навеян реальными фактами общественной жизни и, возможно, продиктован историческим событием — отделением бурят, покинувших собственно Монголию и переселившихся в новые места.

На основе этой поэмы возникла первая бурят-монгольская опера «Энхэ — Булат Батор», созданная драматургом Н. Балдано и композитором М. Фроловым. По мотивам героического эпоса писателями А. Шадаевым и Г. Цыденжаповым немного ранее был написан текст музыкальной драмы «Баир» (музыка П. Берлинского и Б. Ямпилова). Два основных музыкально-драматических произведения современного сценического искусства советской Бурят-Монголии родились, таким образом, от соединения древнего фольклора и современной поэтической культуры.

Третья музыкальная пьеса, включенная в программу декады, — «Эржэн», написана М. Эдель и Н. Балдано на материале сегодняшней Бурят-Монголии и посвящена дружбе народов. Она как бы заключает круг идей народных эпических произведений, нашедших свое воплощение в «Баире» и «Энхэ — Булат Баторе», и языком искусства дописывает историю бурят-монгольского народа, утверждая, что мечта о счастливом царстве, о мирном труде, о дружбе между трудящимися осуществлена.

Современная бурят-монгольская литература характерна тем, что в ней очень видное место занимают драматические произведения. Если в первое десятилетие советской власти она была представлена, главным образом, поэмой и рассказом, в том числе произведениями замечательного мастера новеллы Х. Намсараева, то после введения латинизированного алфавита и создания государственного театра выросла целая группа драматургов, связавшая свое творчество с молодым театром. Три названные пьесы — это лучшее, что создано бурят-монгольской литературой за недолгие годы ее истории.

Показ бурят-монгольского искусства в Москве — признание того, что оно вышло уже из стадии собирания художественных ценностей, предварительной учебы и воспитания исполнителей и поднялось на следующую, более высокую ступень. С помощью деятелей русского театра — композиторов П. Берлинского, В. Морошкина и М. Фролова, балетмейстера И. Моисеева, режиссеров М. Мельтцера, М. Степановой, В. Чукова впервые национальная драматургия и театр Бурят-Монголии овладели большими формами сценического искусства.

В лице Н. Балдано, А. Шадаева, Г. Цыденжапова бурят-монгольская литература, одна из самых молодых национальных литератур Советского Союза, воспитала уже самостоятельных мастеров, решающих сложную задачу создания монументальных произведений искусства.

Бурят-монгольский профессиональный театр на наших глазах вырастает непосредственно из самодеятельного искусства и сейчас еще не потерял прямой связи с ним. Значительное число актеров — активисты клубно-самодеятельных кружков, организаторы и зачинатели театрального искусства в улусах. Это придает спектаклям специфические черты и особое значение. Происходит проверка талантов-самородков. У многих исполнителей нет еще профессионального умения, техники, зато их способности испытываются в условиях большого творческого напряжения, в «реальной обстановке боя».

Декада — событие не только в истории литературы и театра Бурят-Монголии. Одновременно с показом спектаклей будут продемонстрированы успехи национальной живописи. На выставке изобразительного искусства посетители увидят картины Ц. Сампилова, А. Ажигирова, А. Аюшинова, Р. Мэрдыгеева, Г. Чикотеева, экспонаты эвенкийского рукоделия, чеканку и резьбу искусных мастеров.

Литература и искусство социалистической Бурят-Монголии находятся на первоначальных ступенях своего под'ема. Впереди — широкие перспективы и не менее широкие возможности расцвета. Декада станет стимулом дальнейшего, более быстрого роста и воспитания мастеров слова и сцены, художников, вполне достойных своего народа, его славных дел.

«Искусство Бурят-Монгольской АССР»

Издательство «Искусство» подготовило к открывающейся сегодня декаде бурят-монгольского искусства сборник «Искусство Бурят-Монгольской АССР».

Искусство советской Бурят-Монголии — одно из самых молодых в СССР. Всего 8 лет назад открылся в Улан-Удэ первый государственный музыкально-драматический театр. В статье о театре показан путь молодого коллектива актеров, режиссеров и драматургов.

Итоги десятилетней истории национальной драматургии подводит обзорная статья И. Болдогоева.

Со стародавних времени ламы запрещали населению пользоваться многими звучными и ударными музыкальными инструментами. В улусах бытовали лишь лимбы, суры и хуры. Очерк И. Рыка рассказывает о том, какой огромный интерес проявило население к созданию первого национального оркестра народных инструментов, возвращенных народу.

В статье Г. Поляновского анализируется творчество выросших за последние годы национальных композиторов. Возрождению национального изобразительного искусства посвящена статья Р. Мэрдыгеева. В сборнике «Искусство Бурят-Монгольской АССР» опубликована также статья начальника управления по делам искусств республики т. Г. Бельгаева и очерк о театральном училище им. Чайковского.

СТИХИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИХ ПОЭТОВ

Цэдэн ГАЛСАНОВ

ПЕРЕД ВОСХОДОМ

Белый молочный туман пролил рассвет на холмы.
Серебряной влагой роса покрывает луг.
Скоро покажется солнце,
Тогда расстанемся мы;
Повремени немного,
Не уходи, мой друг.
Сладостны струи Аршана, поющие по камням.
Пламя костра бледнеет — все ближе рассвета час.
Жаворонки взлетают к розовым облакам.
Проснувшись, байкальский ветер теплом овевает нас.

Девичья песня негромко звенит над плывущей рекой,
Черемуха, умирая, цветы осыпает кругом.
Нежность сплела нам руки,
Нам хорошо вдвоем.
Дрозд запевает песню
Только для нас с тобой.
Смотри, ветерок, ревнуя, волосы треплет твои,
Последние звезды тают, на землю спускаясь росой.
Нет на земле прекрасней радостной нашей любви,
Сверкая, восходит над миром солнечный диск золотой.

Перевод с бурят-монгольского Татьяны САЛЬМОНОВИЧ

Намжил БАЛДАНО

ПЕСНЯ АНДРЕЯ
из пьесы «Эржэн»

Расстаться время настает,
Пора в далекий путь.
Ты мне сказала: не пиши
И думать позабудь.

Что ж, родина, скажу, встречай,
К тебе вернулся сын.
Над Волгой чайка прокричит,
Взмахнув крылом косым.

Я брошусь в мокрую траву,
Прижмусь к земле щекой,
Но волжский ветер шелестит
Березовой листвой:

Перешагни хребты Саян.
Вернись — Восток зовет.
Твоя любимая давно
Тебя, тоскуя, ждет.

Там ветры треплют камыши,
Колышат гладь воды,
Весна одела в белый дым
Цветущие сады.

Там рыбой заводи полны;
Во влажной полутьме
Кривым серебряным ножом
Они летят к луне.

И нет иного мне пути,
И нет других дорог,
И я вернусь к тебе назад,
Любимый мой Восток.

Перевод с бурят-монгольского Татьяны САЛЬМОНОВИЧ.

НА ПИСАТЕЛЬСКИХ СОБРАНИЯХ

ОТ НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

КИЕВ

На очередном заседании президиума ССП Украины приехавший в Киев т. П. А. Павленко сделал информацию о важнейших задачах Союза писателей.

Выступившие в обсуждении писатели И. Фефер, Д. Косарик, Е. Старинкевич, Иван Ле, Е. Фомин, М. Рыльский, И. Кочерга и А. Корнейчук говорили о необходимости поставить в центр всей работы Союза писателей обсуждение новых рукописей и книг писателей, повысив ответственность коллектива литераторов за творческую работу каждого писателя.

Особое внимание было уделено вопросу работы с молодыми писателями, идейному и художественному воспитанию молодых кадров советской литературы.

— Почему такие крупные мастера украинской советской поэзии, как Павло Тычина, Максим Рыльский, Микола Бажан, не выступают со статьями о книгах молодых украинских поэтов с детальным, глубоким их анализом? — спрашивает И. Фефер.

С недостаточной серьезностью подходило руководство Союза писателей Украины и к такому, казалось бы, важному вопросу, как прием в члены Союза писателей.

— На одном заседании президиума, — говорит т. Корнейчук, — мы приняли в Союз писателей сразу 15 человек, и, конечно, далеко не все из принятых достойны ответственного и высокого звания советского писателя. Даже после убедительных сигналов прессы о халтурных пьесах драматурга Нечая, президиум не счел возможным отказать Нечаю в приеме в Союз писателей.

Резкой критике были подвергнуты на заседании украинские журналы «Театр» и «Образотворче мистецтво», неудовлетворительно освещающие вопросы украинской культуры.

Решено одно из ближайших заседаний президиума посвятить обсуждению сценария А. Головка «Літа молодії».

В Киеве в ближайшее время начнет работать марксистско-ленинский университет для писателей столицы Украины.

А. КАЦНЕЛЬСОН

МИНСК

Состоялось заседание правления Союза советских писателей Белоруссии при участии актива писателей и члена правления ССП СССР т. В. М. Бахметьева, посвященное обсуждению основных задач Союза писателей. К сожалению, многие писатели, в том числе и некоторые члены правления, не приняли участия в заседании. «Отмолчались» все белорусские литературные критики.

Из выступлений отдельных товарищей — Лынькова, Крапивы, Моцеля, работников белорусского издательства явствовало, что в работе союза имеются крупнейшие недостатки. Очень слабо поставлено идейное воспитание писателей. Весьма неудовлетворительна работа с молодыми. Совершенно не проводятся общие собрания писателей, не привлечены члены правления к активной работе в правлении.

Сейчас происходят перевыборы бюро творческих секций, намечено обсуждение ряда произведений.

Группа белорусских литераторов-коммунистов и беспартийных начала заниматься в университете марксизма-ленинизма.

Ю. РУДЬКО

ХАБАРОВСК

14 октября в Хабаровском клубе писателей состоялось общее собрание дальневосточных писателей, на котором присутствовали также представители редакций газет, Дальгиза, литературный актив.

Был заслушан доклад секретаря бюро дальневосточного отделения ССП т. Бытового.

Представитель президиума ССП СССР т. Хмара выступил с резкой критикой работы бюро дальневосточного отделения ССП. Бюро чрезвычайно мало внимания уделяло идейному воспитанию молодых писателей, почти вовсе не руководило работой литературных групп Владивостока, Комсомольска, Биробиджана и никакой работы не вело на более отдаленных окраинах Дальнего Востока. Не было налаженной связи с редакциями газет. Плохо работала и дальневосточная комиссия при президиуме ССП.

Выступавшие на собрании писатели привели ряд фактов плохой работы бюро. Тт. Миллер (из Биробиджана), Никулин (из Владивостока) и другие товарищи рассказали об отсутствии должного руководства со стороны бюро литературными группами на местах.

Собрание дальневосточных писателей, признав работу бюро неудовлетворительной, целиком поддерживает решение бюро об освобождении т. Бытового от обязанностей секретаря. Временно обязанности секретаря бюро возложены на Николая Рогаль.

С. ШТЕРН

РОСТОВ-на-ДОНУ

Состоялась встреча писателей Ростова-на-Дону с членами бюро городского комитета партии. В беседе принимали участие и отдельные молодые авторы.

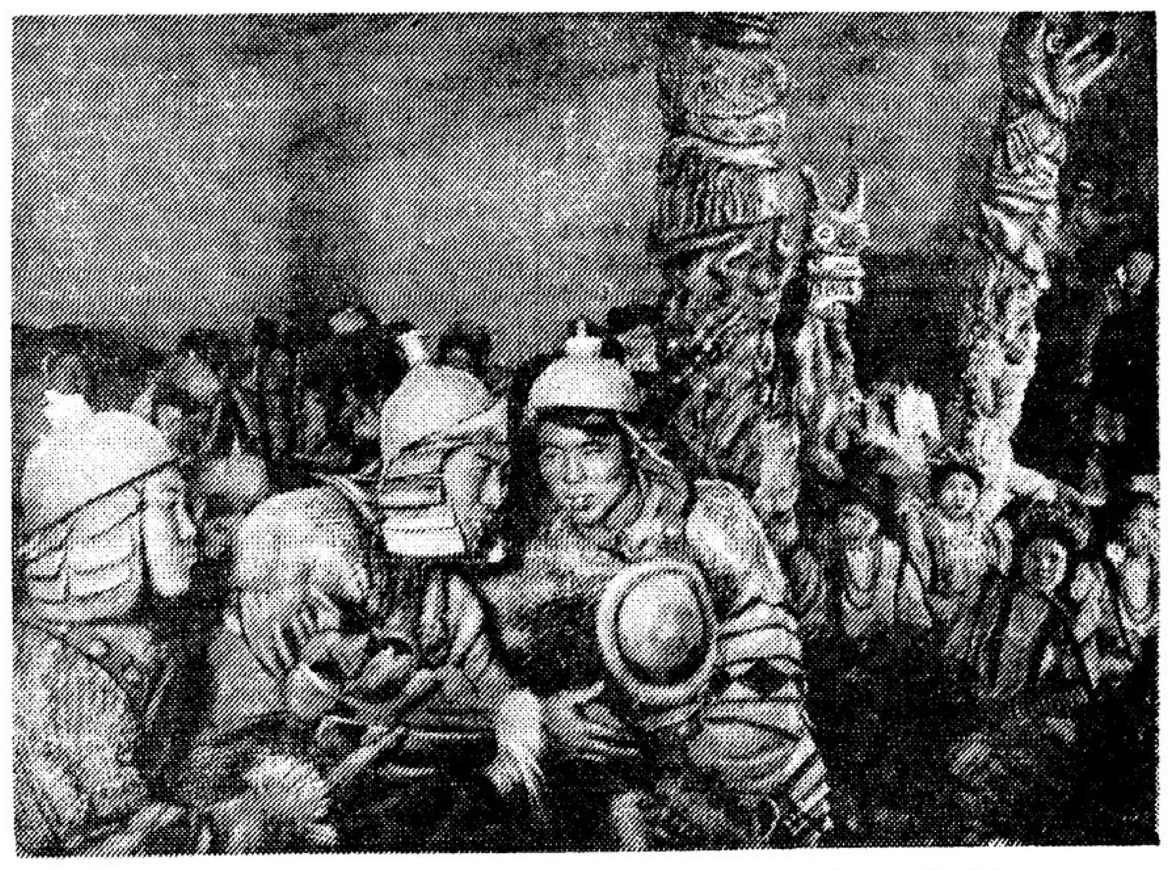
После сообщения т. А. Бусыгина о жизни организации, ее творческом облике состоялся обмен мнений. Выступавшие говорили о том, что ростовская писательская организация — в основном здоровая, почти все писатели работают сейчас над новыми произведениями.

По мнению молодого автора т. Соколова, руководство местного отделения Союза писателей не делает должных выводов из статей «Правды», «Литературной газеты», «Известий», хотя и в ростовской организации имеется ряд фактов, свидетельствующих о некотором благодушии, цеховой замкнутости, слабой работе с молодыми авторами.

Ряд товарищей отмечал отсутствие в писательском коллективе дружбы, невнимание местной печати, предлагал чаще устраивать литературные вечера и критический разбор всех выходящих книг ростовских писателей.

П. КОФАНОВ

За неделю



К ДЕКАДЕ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО ИСКУССТВА В МОСКВЕ. На снимке: сцена из 2-го акта оперы «Энхэ—Булат Батор». Слева направо: артисты Бадмаев в роли стражника, Ильин в роли начальника ханской стражи и Шоболов в роли стражника. Фото М. Рунова. (Фото ТАСС).

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТРУДЯЩИМСЯ ЧУВАШИИ

Президиум Союза советских писателей СССР горячо приветствует чувашский народ в дни знаменательного празднования, посвященного 50-летию со дня рождения основоположника чувашской литературы Константина Васильевича Иванова. Молодой талантливый поэт Константин Иванов жил и творил свои замечательные произведения в глухую пору, когда Россия, по выражению Ленина, была тюрьмой для народов. Поэма «Нарспи», напечатанная в 1908 году, — по воле царских чиновников, безыменным изданием, — нашла путь к сердцу чувашского народа, который принял ее и, понял до подлинно народного произведения. Поэт умер в безвестности, в то время как его поэму «Нарспи» пели и рассказывали в самых глухих и полуграмотных чувашских деревнях, — так велика была поэтическая сила этого произведения.

Только после Октябрьской революции чувашский народ по-настоящему узнал Константина Иванова как талантливого своего сына и создателя народной поэмы «Нарспи».

Ныне, на смену погибшему в безвременье царской России Константину Иванову пришел славный отряд молодой советской чувашской поэзии, которому предоставлены все условия для свободного роста и совершенствования в сложном поэтическом мастерстве.

Мы верим, что имя Константина Иванова будет всегда жить в сердце чувашского народа. Мы верим также, что советская чувашская поэзия даст новые имена и новые поэтические произведения, достойные своего народа.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

БЕСЕДА У КАРТЫ

ЛЕНИНГРАД. (Наш. корр.). По примеру прошлого сезона, в Доме писателя им. Маяковского организованы еженедельные беседы у карты, консультации, обзоры и лекции по вопросам международного положения. Первая лекция на тему «Осада Англии», которую читал полковник М. И. Малицкий, собрала более 120 литераторов. Тема второй лекции — «Новое в современной войне».

МУЗЕЙ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

На улице Горького, 40, в доме, где жил и умер Николай Островский, завтра открывается музей.

Экспозиция материалов о героической жизни писателя-бойца почти закончена. Устанавливаются скульптуры, развешиваются портреты, картины, написанные на сюжеты из биографии писателя, фотографии, иллюстрации к его произведениям. В витринах, установленных вдоль стен, — варианты произведений, стенограммы речей, письма, документы.

В первом зале размещены материалы о детстве писателя, о его участии в гражданской войне, комсомольской работе и первом периоде литературной деятельности.

Во втором зале собраны все — русские и переводные — издания романа «Как закалялась сталь», показаны колоссальные его тиражи, бесчисленные письма читателей, критические статьи об этом произведении. Специальные стенды отведены здесь же второму произведению Островского — «Рожденные бурей», которое обсуждалось на заседании президиума ССП СССР, происходившем в этом самом зале 15 ноября 1936 года.

Материалам, относящимся к увековечению памяти Николая Островского, отведена особая комната, в которой можно будет также слушать голос писателя, произносящего речь и читающего отрывок из романа «Как закалялась сталь».

Полностью восстановлена в музее комната, где последние месяцы жил и работал Николай Островский.

ТОРЖЕСТВА НА РОДИНЕ АБАЯ КУНАНБАЕВА

СЕМИПАЛАТИНСК. (От наш корр.). В эти дни общественность Казахстана отмечала 95-летие со дня рождения великого казахского поэта, основоположника письменной литературы Абая Кунанбаева.

15 октября состоялось торжественное заседание исполкома Семипалатинского горсовета, пленума правления Союза писателей и казахстанского филиала Академии наук СССР, посвященное юбилею Абая. Под бурные, долго несмолкаемые аплодисменты в почетный президиум избирается Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.

Доклад о жизни и творчестве Абая сделал секретарь Семипалатинского обкома КП(б) Казахстана т. Абишев.

После торжественной части состоялся концерт. Артисты Семипалатинского казахского театра исполнили третий акт пьесы Ауэзова и Соболева «Абай». Затем исполнялись песни и мелодии Абая, читались стихи Абая в русских переводах. Народный акын Нурлыбек выступил с песней-импровизацией, посвященной великому поэту.

16 октября продолжались сессия казахстанского филиала Академии наук и пленум правления Союза писателей республики. Заслушаны доклады Ауэзова «Абай и классика мировой литературы», Муканова «Абай и современность». После доклада Исмаилова «Поэтическая культура Абая» сессия закончила свою работу.

В дни торжеств в Семипалатинске открылся Государственный литературный музей Абая. Музей открыт в доме, в котором долгое время жил поэт. Восстановлены кабинет и спальня Абая. Имеются его рукопись и карандашный портрет, написанный в 1887 г. Лобановским. В музее экспонированы книги русских и восточных авторов, которые читал Абай, а также портреты и характеристики его друзей.

В Алма-Ата, в помещении Государственной публичной библиотеки, открылась выставка, посвященная жизни и творчеству Абая. Здесь показаны произведения Абая и его рукописи, портреты поэта и снимки его знаменитых современников, произведения классиков мировой литературы, которые читал и переводил Абай, а также труды об Абае.

Как известно, первый очень неполный сборник произведений Абая был издан в 1909 г., т. е. спустя пять лет после его смерти. Произведения Абая (за исключением этого единственного издания 1909 г.) начали печататься только после революции. Отдельные сборники его произведений были изданы в 1921, 1923, 1929, 1934 гг. Сейчас казахстанский филиал Академии наук СССР приступил к академическому изданию его произведений. В прошлом году вышел I том этого издания, а к юбилейным дням вышел II том.

Составлен библиографический справочник трудов об Абае, насчитывающий 116 названий.

А. ШАРИПОВА

ОРГКОМИТЕТ ССП ЛАТВИИ

В ближайшее время состоится перестройка латвийского профсоюза писателей и журналистов. Будут созданы две самостоятельные организации — Союз работников печати и Союз писателей. В оргкомитет Союза писателей вошли тт. Ж. Спуре, Вилис Лацис и Я. Пиедре (председатель).

ОРГКОМИТЕТ ССП ЭСТОНИИ

По решению Совнаркома Эстонской ССР создается Союз советских писателей Эстонии.

Образован организационный комитет в составе: А. Якобсон (председатель), Август Алле, Эрни Хийр, Михкель Юрна, Пауль Кээрдо, Фр. Туглас, Оскар Ургарт.

В Таллине начала выходить литературная газета под названием «Серп и молот».

Поэт чувашского народа

Н. ЧЕРТОВА

Весной 1907 г. семнадцатилетний Константин Иванов, исключенный из Симбирской чувашской школы за участие в ученической забастовке, выехал вместе с отцом и работниками на пахоту. В поле он то и дело останавливал плуг и, хмуро сдвинув тонкие брови, подолгу следил, как на соседней полоске пахал высокий чувашин в самотканной рубахе и в лаптях. Пахарь налегал всей грудью на деревянную соху и, обливаясь потом, беспрерывно крича на лошадь, с великим трудом разрывал свою землю.

Константин думал о том, что вот так же, натужно выгнув потные спины, идут теперь за деревянными сохами многие тысячи чувашей, разбросанных по огромному пространству шести приволжских губерний.

Злая усмешка тронула мальчишески-пухлый рот Константина. У его народа нет отечества, нет земли, нет письменности. «Чувашскую книгу корова с'ела»,— издавна говорили чуваши в деревнях, где печи топили по-черному, где люди, не дожив своего века, слепли от трахомы, где, надев на шею медный крестик, чуваши откупались от русского попа, чем могли, и шли в леса молиться злому духу Кереметь.

Какая глушь, какая темень, казалось, ждала Константина впереди! В Симбирской школе, где он учился четыре года, не произносилось ни одного слова об истории, о будущности, о надеждах чувашского народа. Это был предмет, строго запрещенный сверху: в представлении русского высшего педагогического чиновничества чувашскому народу предназначено было ассимилироваться среди русского населения и стать верноподданными русскими православными христианами.

Но никто не мог запретить в стенах школы петь и рассказывать чувашские песни, сказки, предания. Сколько их выслушал, записал, запомнил Константин! Из песен этих в воображении Константина поднимался другой народ, — мужественный, сильный духом, веселый, мудрый. И это был, конечно, подлинный чувашский народ, который Константин любил требовательной и страстной любовью.

Он привез с собою в Слакбаш толстую ученическую тетрадь, где, вместе с алгебраическими задачами и изложениями по русскому языку, были записаны первые несмелые строки его собственных стихов на родном языке:

Мимо зеленого леса
Журчит ручей.
Его водой, плетя кружева,
Играют солнечные лучи.

Это был ручей, журчавший возле неизвестного, созданного воображением юноши богатого чувашского села, где нарядные девушки, словно лебеди, спускаются к этому ручью за водой, где избы, — высокие, словно конторы, — стоят дружным рядом, где слепой вещун бормочет заговоры, чтобы отвести от селян злые напасти: «...Юппе — глаз, вывороченный глаз, карий глаз! Черный бык идет с запада: одним рогом роет землю глубиной в сорок и один аршин, другим рогом раздирает небо в сорок и один аршин. Когда придет и пырнет этот черный бык, лишь тогда черный глаз сглазит этого человека!..»

...Однажды Константина позвали на свадьбу: богатый лавочник выдавал замуж свою единственную дочь. Константин пришел, когда невеста уже совершала обряд прощания: она обходила всех гостей и, горько плача, целовала их: это значило, что больше она уже не вернется в отчий дом.

Но вот обряд окончен, лихой пузырист засвистел пронзительную песню, гости пошли в пляс. Константин не участвовал в общем веселье: со странной пристальностью следил он за невестой, словно запоминал каждое ее движение.

Возвратясь домой, он вынул свою тетрадь и, набросав на чистой странице легкую фигурку девушки, задумался.

Его давно томило желание написать стихи о темноглазой, гибкой чувашской красавице. Вот она, звеня монистами, сошла к ручью и тайно ждет там своего милого... Она не была похожа ни на одну девушку родного его села Слакбаша. Он не знал ее рода и имени, но он уже любил ее и, волнуясь, начинал предчувствовать ее судьбу...

Поздней осенью 1907 г. симбирская школа снова приняла выросшего и возмужавшего Константина Иванова, но уже не как ученика, — это было невозможно, — а как переводчика учебников и священных книг. Трудолюбиво сидел Константин в своей бедной рабочей комнатке над нудными текстами евангелия. К счастью, он переводил не только евангелие. В учебник для младших классов вошли переводы Л. Толстого, Аксакова, Лермонтова. Особенно поразил Константина Лермонтов. С увлечением, забывая о сне и пище, он перевел «Парус», «Утес», «Песню про купца Калашникова». Он любил эти строки, — впервые, по его воле, зазвучавшие на его родном языке.

И как-то нечаянно, словно совсем не думая, он написал первые строки своей поэмы:

Солнце начало греть ласково
В конце месяца марта,
В Сильби, чувашской деревне,
Снег торопливо растаял...[1]

Это было большое, богатое село, где жила девушка по имени Нарспи. Иронически описывает Константин, как высоки в Сильби дома, просторны дворы и как, должно быть, много имеется добра у здешних чувашей.

И в первой же песне молодой поэт делает знаменательную оговорку. Мальчик-пастух, играя на дудке около своего стада, смотрит тоскующими глазами на богатое село Сильби: пастух — голоден.

И далее поэт как бы неожиданно, с силой восклицает:

На всем белом свете
Нет никого сильнее человека!
На воде и на земле
Он—полный хозяин.

Правда, человеку свойственны многие слабости:

Деньги и вино
Могут свести его с ума...
В праздник великого Калыма
Как не выпить доброму чувашину?
В глубоких погребах
Опустеет, вероятно, не одна бочка пива?

Но — и что же из того?

Несчастный чувашский юноша, уже познавший плетку самодержавного произвола, отвергнутый в школе, нелюбимый в отчем доме, смело заявляет вопреки всему: человек — сильнее всего на свете!

Ради этой гордой мысли будет написана вся поэма «Нарспи». Константин расскажет в ней о трагической любви дочери богача Михэдера к бедному парню Сетнеру. Как ненавидит Константин тупых, влюбленных в деньги родителей Нарспи и злобного богача Тахтамана, ставшего ее мужем! Он рисует в своей тетради портрет Тахтамана, и на нас смотрит с листа сухое и длинное лицо с мрачным взглядом и жестким ртом. Зато с какою любовью описывает Константин свидания Нарспи с Сетнером — ее горестный плач о любимом, ее суровые упреки родителям. Уже во время свадьбы влюбленные тайно садятся на горячего коня-ургамака и бегут в лес.

Счастливые в своем одиночестве и усталые, Сетнер и Нарспи уснули под дубом... Константин набрасывает в тетради страшную рожу человека-пса с выкаченными глазами, в которых застыли злоба и ужас: это — отец Нарспи. Таким она видит его во сне. И, силою приведенная домой, Нарспи гордо говорит «обесчещенным» родителям: «Не бейте меня, раскаетесь. Да и что толку? Из золы дров не сделаешь...»

В те времена так не могла ответить, вероятно, ни одна чувашская девушка: законы старины, обычаи, обряды не позволили бы ей сказать такие слова. Но Константин знал свою Нарспи именно такой, — смелой, мужественной, презирающей богатство.

— Эй, отец мой, мать моя,
Зачем погубили девичью долю,
Зачем отдали свою дочь
В руки чуж-чуженина?
Эй, жених мой Тахтаман,
Со мною добра не увидишь,
Пусть я погибну,
Но не жить нам вместе с тобою!

Верная своей угрозе и своей любви к Сетнеру, Нарспи убивает Тахтамана ядом и бежит в Сильби. Ночной лес принимает ее в свои мрачные об'ятья. Деревья качают огромными головами, когда мимо них проходит Нарспи, они загораживают ей дорогу.

Вдруг поднялся ветер,
Обезумел дремучий лес,
Со всех сторон заорал:
«Лови свою жену, Тахтаман!»
Словно тридцать и один чорт,
Лес воет: «у-у-у!»

Константин находит богатейшие (к сожалению, непереводимые на русский язык) звукоподражания шуму беснующегося леса. Лес шумит из края в край и воет так, словно сам дьявол «разбаловался в аду».

Темный лес, как филин, кричит,
Пригибаясь почти до земли.
Черная туча плывет над деревьями,
Молния сверкает в черной туче,
Разрывая ночь.
...Весь мир содрогается...
...Дождь льется, как река
Шумит в оврагах...

Но вот в лесу соединяются два любящих сердца, — Нарспи встречает Сетнера, и —

едва встретились любимые,
Старый дуб склонил свою голову,
Ветер немножко подул и остановился.
Солнце отдает росе свое тепло.
Чтобы радоваться двум сердцам,
Солнце отдает свой свет...

Здесь — поэтический конец «Нарспи». Судьба же девушки, описанная в последней, четырнадцатой песне, печальна: она потеряла Сетнера, родителей и повесилась. Нарспи погублена, она ушла из жизни, но ее милый образ живет в памяти народа...

...В 1908 г. в стенах Симбирской школы появилась книга «Сказки и предания чуваш» — первое литературное произведение, вышедшее на чувашском языке. Первые молодые читатели — ученики школы — нашли там, среди народных песен и преданий, поэму Иванова «Нарспи» и три сказки, записанных и переделанных им же. Однако имени Иванова на книжке не значилось. Инициатор издания — директор школы И. Я. Яковлев — не рискнул даже и заикнуться об имени автора-бунтовщика. Кроме того, нельзя было бы доказать начальству, что из среды чувашей мог выделиться самостоятельный поэт...

Уезжая на каникулы, ученики повезли с собою «Нарспи» в чувашские деревни и села, разбросанные по всей стране: симбирская чувашская школа была ведь в то время единственной во всей России.

Прошло несколько лет. Имя Иванова-поэта помнили только бывшие его товарищи по школе да его маленькие ученики. Теперь, блестяще сдав экстерном курс за классическую гимназию, он с трудом получил, наконец, право преподавания — и то только в младших классах чувашской школы... Он полон творческих замыслов, его тетради пестрят интересными записями, планами. Но он занят тяжелым трудом — составлением учебников, переводом библии... Слабое здоровье его не выдерживает: в 1915 г., 25 лет от роду, он погибает от чахотки, — безвестный юноша, дерзнувший написать первое большое произведение на языке едва ли не самого угнетенного народа России...

Его «Нарспи» имела более счастливую и значительную судьбу: песни о прекрасной и мужественной чувашской девушке распевались и рассказывались многими тысячами старых и малых чувашей, никогда не слышавших о Константине. Эти песни передавались из избы в избу, из села в село, — в затрепанных книжках, в списках, в устных пересказах. Народ не прибавил ни одного слова к этим песням и ничего не убавил. Полностью признав «Нарспи» своим бесценным детищем, он донес ее певучие строки до наших дней, когда поэма, ставшая народной задолго до революции, получила, наконец, своего автора...

Ныне народ свободной Чувашии, а с ним и все народы Советской страны воздают должное Константину Иванову, рано погибшему, талантливому поэту, положившему начало молодой чувашской поэзии.

КОНСТАНТИН ИВАНОВ
К 50-летию со дня рождения

Юбилейные дни в Чувашии

Вчера в Чебоксарах состоялось торжественное заседание общественных и партийных организаций города, посвященное писателю.

Сегодня, 20 октября, открывается конференция писателей Чувашии, посвященная жизни и творчеству К. Иванова.

В связи с 50-летней годовщиной со дня рождения К. Иванова Государственное чувашское издательство выпустило из печати: юбилейное издание произведений К. Иванова, сборник его сказок, поэму М. Ю. Лермонтова «Песнь про купца Калашникова», переведенную К. Ивановым на чувашский язык. Выпущены также трагедия в стихах Якова Ухсая «Черная судьба», в основу которой положена биография К. Иванова, и сборник очерков «На родине «Нарспи». На русском языке издана монография Д. Данилова «Жизнь и творчество Константина Иванова».

Художник Ю. Зайцев написал цикл картин на сюжеты поэмы «Нарспи» и несколько картин на темы из биографии поэта. Работы эти будут экспонированы на выставке «Жизнь и творчество Иванова», которая открывается в Чебоксарах сегодня. Здесь можно будет увидеть среди других материалов, изданных в 1908 г., экземпляр книги «Сказки и предания чуваш», где впервые была напечатана поэма «Нарспи», букварь с рисунками К. Иванова, его автопортрет, портрет отца, написанный поэтом, дневник за 1906—1907 гг.

На родине поэта, в селе Слакбаш, Башкирской АССР, открывается дом-музей, в котором родился и умер К. Иванов.

На могиле поэта устанавливается памятник, изготовленный из карельского гранита в ленинградских скульптурных мастерских.

Записная тетрадь Константина Иванова

Литературное наследство К. Иванова, его интересные картины (в том числе иллюстрации к «Нарспи») совсем недавно были разбросаны в Ульяновске, Белебее, Чебоксарах и находились в руках родственников и частных лиц. Ныне на родине поэта организован музей К. В. Иванова, где и начинают концентрироваться все материалы о его жизни и творчестве.

Мы получили из Слакбашского музея копию записной тетради К. Иванова. Здесь, среди учебных конспектов, разбросаны очень интересные записи шестнадцатилетнего поэта. Вот, например, план его литературных работ «на 1906—1907 учебный год».

1. «Водка», комедия в одном действии (в стихах).
2. «Тяжелый год», трагедия в двух действиях (в стихах).
3. «Деревенские дела», случай из деревенской жизни.
4. «Два рода», родословные записи.

Последняя тема — тема о родословной семьи поэта, очевидно, глубоко его интересовала.

16 августа 1906 года он записывает:

Волки

Отцом нашего рода был Волк. Он некрещеный чувашин. Известно, что от него осталось двое сыновей: один Волков Иван, другой Волков Кузьма. Потомство Ивана называют «Потомством Прта», потомство Кузьмы — «Потомством Кузьмы». Людей, достоверно знающих, откуда прибыл сюда сам Волк, нет. Старики говорят, что они рассеялись по здешним местам из Белебея, когда Белебей заселился русскими. То место, где расположено наше село, в старину было покрыто лесом и кишело волками. И наш дед, поселившись в этих лесах, жил охотой на волков. Поэтому, говорят, и назвали его волком. Неизвестно также, как помер Волк. Потомство его сына Кузьмы не так многочисленно, зло и смело, как потомство Прта. Почему же это? Женой Волкова Ивана была Прта. В деревне не было женщины энергичнее Прта. Она всю деревню держала в своих руках. Все дрожали перед ней. Любого, захочет — высечет, не захочет сечь — угостит и выпроводит. У ней было пять сыновей: Ванюша, Степан, Семен, Прче, Федот. Младший сын Федот был от кузнеца... Раз пошел Федот к высокому Ухтерню звать пиво пить, с прибауткой: «А ну, к Прта — галопом, а к Ванюше — быстрым вихрем, к Семену же — вскачь неситесь». Высокий Ухтерень[1] воскликнул: Эх, сыно-ок! да ведь ты, оказывается, кузнецов паренек!

Прта и сыновьям своим воли не давала. В гневе порола их, когда же была в духе, угощала их всякой всячиной, ласкала. Такою-то вот была старуха Прта. Потому-то и потомство ее было таким же энергичным, смельим, злым, добрым.

Мои деды по линии отца следующие: от Волка — Волков Иван, от Волкова Ивана — Семен, от Семена — писарь Николай, от писаря Николая — богатей Василий, от Василия — я, Константин.

Достойно отметить еще следующее: внуком Волкова Ивана от его сына Ванюши был Никандр. Он жив еще и поныне. Он —винная глотка. Еще недавно он снялся в фотографии: сам сидит на стуле, рядом калач, в руках бутылка с вином.

Таково потомство бабушки Прта. Род Волковых составляет теперь почти половину деревни. Меньший род в деревне— «Хурась».

И далее еще одна запись от 20 августа 1906 г.:

Старуха Прта

Зимой Ванюша призывался на военную службу. Для отдачи в солдаты необходимо ехать в Уфу. Отец с матерью поехали провожать Ванюшу. Ванюше было в то время 18 лет. Ему, бойкому парню, не особенно хотелось итти в солдаты. Тем более тогда шли слухи о скором начале войны. Война страшная вещь. Как приехали в Уфу, они остановились на постоялом дворе. Хозяева, русские, были знакомые. После освидетельствования они пригласили Ванюшу к себе и стали уговаривать Прта, чтобы вместо Ванюши пошел в солдаты отец. Но Прта не захотела отпустить Ивана: он стар, слаб; дома у меня много и других сыновей, кроме Ванюши, — говорила она. Накануне призыва знакомые хозяева взяли да и спрятали Ванюшу под конопляными снопами. В день призыва искали, искали Ванюшу. Ванюши — нет! Прта оказалась вынужденной отдать в солдаты своего мужа. Когда угнали отца, Ванюша вылез из-под конопляных снопов. По пути домой Прта всю дорогу била его. «Ты сгубил отца, ты сгубил, вот тебе, вот!». Старика Ивана угнали прямо на войну. Но он, слабый, погиб еще в пути. А Ванюше радость! Такой-то вот была наша бабушка Прта! Еще до сих пор потомки Прта, выйдя на хоровод и прыгая парами, восклицают стихами: «А ну к Прта — галопом, а к Ванюше — быстрым вихрем, к Семену же — вскачь неситесь»!

В тетради записано большое количество народных заговоров — от дурного глаза, от злых напастей, от змеиного укуса, от пореза. Тексты заговоров представляют большой интерес. Вот выдержки из них:

«...белозубая старуха шабадан[2], прибывшая с острова из-за семидесяти семи морей-океанов, дует и плюет, наговаривая: «красный бык идет с востока, разрывая землю глубиною в сорок и один аршин, раздирая небо толщиною в сорок и один аршин. Падешь ты сюда, злая напасть, лишь тогда, когда придет и пырнет этот бык...»

«...на острове за семьюдесятью семью морями-океанами высится оловянная гора, огорожена оловянной изгородью, в оловянной изгороди оловянный стул, на оловянном стуле сидит оловянная девушка с оловянной головой. Когда змея ужалит и поранит эту девушку с оловянной головой, лишь тогда случится рана на этом человеке...»

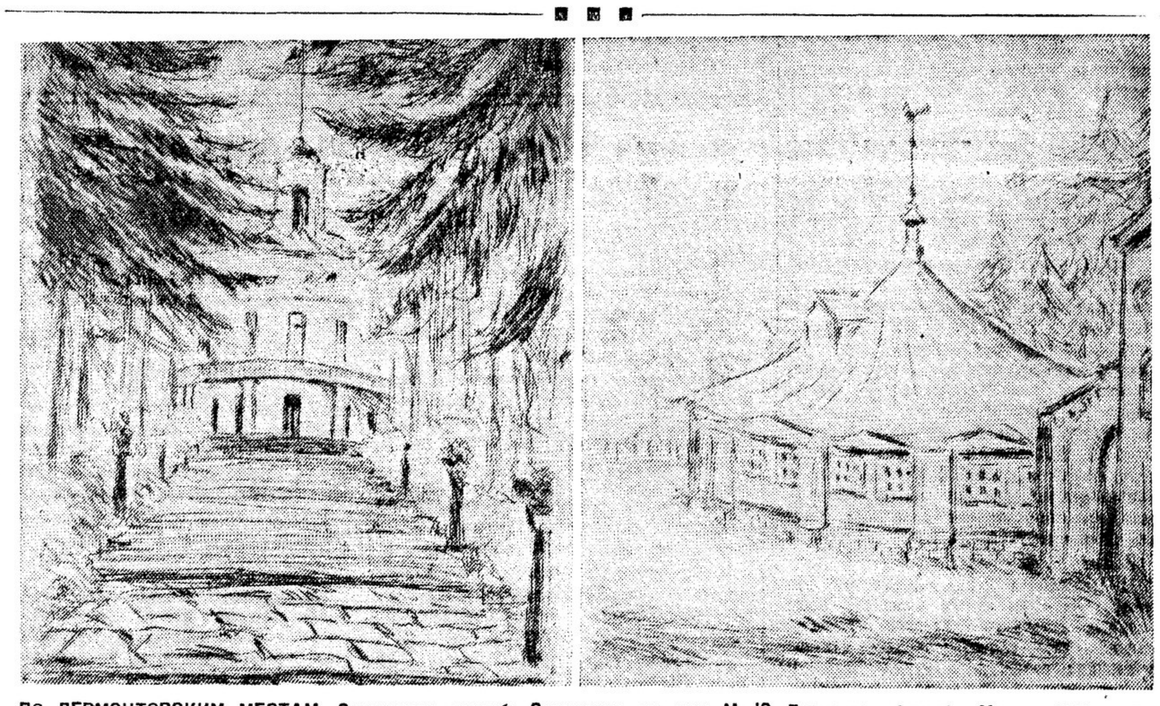
Интересен перевод на чувашский язык песни «Отпустили крестьян на свободу...», где первая строка припева изменена Ивановым следующим образом:

Пробудитесь, поднимайтесь, чуваши,
Поднимись на борьбу, народ голодный...

Ч. Н.

[1] Высокий Ухтерень был богатый старик. Он арендовывал земли кошелгинцев. Еще и теперь в Кошелгах имеется ключ под названием ключ Ухтереня.

[2] Шабадан — ведьма.



ПО ЛЕРМОНТОВСКИМ МЕСТАМ. Средниково, усадьба Столыпина, где жил М. Ю. Лермонтов (слева). Манеж 1830 года в усадьбе Столыпина (справа). Офорты худ. Д. Дарана (1940 г.).

Р. ПЕЛЬШЕ

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Вышел первый номер латышского литературно-художественного журнала «Karogs» («Знамя»). Редколлегию возглавляет А. Упитс, наиболее популярный латышский писатель. Члены редколлегии — известные общественные деятели и писатели: Ж. Спуре, В. Лапис, Ю. Лапис, Я. Ниедре; секретарь редакции—поэт А. Григулис.

Журнал открывается интересной статьей Ж. Спуре «Начиная работу», в которой с под'емом говорится о тех больших задачах и надеждах, какие партия и правительство возлагают на литературу и искусство. Но статье недостает обстоятельности. Ж. Спуре начинает с задач искусства в историческом разрезе (1905, 1917, 1919 гг. и т. д.) и недостаточно уделяет внимания задачам сегодняшнего дня, которые встают во всей широте, в особенности перед литературой молодых советских республик.

В многочисленных стихотворениях, напечатанных в этом номере, приятно отметить их жизнерадостный и боевой дух. Интересна бодрая и решительная «Новая песня» Валлиса Луккса. «Кто ты и кем ты мог бы быть?» — спрашивает поэт. «Ты должен знать, что назад дороги нет, и выброшенные на берег корабли никогда, никогда больше не будут бороздить морские просторы». «И если сила ненависти веками собиралась, росла в тебе, давила твою грудь, разрывала ее, тогда вместе с народом спой новую песнь миру!». Янис Плаудис посылает прочувствованный привет великой родине свободных народов двух континентов. Неподдельным, искренним чувством дышит стихотворение Мейнхардса Рудзитиса о Красной Армии. К сожалению, небольшое стихотворение «Трамвай с красными огнями» талантливой поэтессы Руты Скуини не принадлежит к лучшим ее творениям. Она говорит: «Звуча уходят песни и стоны», и получается, что вместе со страданиями исчезают и песни — дух борьбы, радости. Но все же не плохи заключительные строки о «встрече дней, грядущих гордо и смело». Янис Чаварс («Песня труду») воспевает свободный социалистический труд, его высокую поэзию и героику. Хорошо сделан перевод отрывка из известной «Поэмы о Сталине» талантливой литовской поэтессы Саломеи Нерис. «Тальсинский суд» Я. Райниса, помеченный 1906—1914 гг., говорит о великом таланте его автора. Это — страница из трагической эпохи карательных экспедиций в Латвии. Хорош перевод поэмы Асеева «Маяковский начинается», сделанный Минной Гринфельдс.

Недостаток места не позволяет нам остановиться на всех стихотворениях, опубликованных в журнале (А. Гревиньш. П. Эрманис, А. Балодис, Р. Дзелде, А. Паэгле). Хочется лишь добавить, что многие стихи еще слабы по форме. Это относится и к прекрасному по мысли стихотворению В. Луккса, к стихам Вилийса, Рудзитиса.

Проза представлена работами многих авторов, главным образом молодых. Но самое большое место в разделе прозы занимает отрывок из знаменитого романа Н. Островского «Рожденные бурей» в хорошем переводе Валтса Давидса. Очень неплохой очерк о жизни и творчестве покойного писателя-героя написал Григулис.

Запоминающиеся образы, крепкий сюжетный стержень, четкая композиция характерны для рассказов А. Упитса, Я. Ниедре, В. Лациса и Ю. Ванагса. Другие авторы дали, скорей, наброски, художественные зарисовки, на основе которых могут быть написаны большие произведения. «Строитель кораблей» Я. Судрабкалнса, уместившийся всего на одной странице, рассказ о мальчиках, которые ныне строят в Советской Латвии «корабли из щепок», а со временем станут вершителями великих дел. «Ноябрьским вечером» И. Леманиса — новелла о двух друзьях, не побоявшихся при диктатуре плутократии распространять «Циню» (орган ЦК компартии Латвии) и прокламации. «Знамя борьбы» В. Бранкса говорит о смелых, самоотверженных борцах за дело рабочего класса.

«Окна» А. Упитса — яркий реалистический рассказ о любви и труде и о характере и бесхарактерности.

Любопытен рассказ Я. Ниедре «Шурин губернатора острова Ибис». Это история Кемпе, бывшего латышского стрелка, некогда дравшегося с белыми, но затем в буржуазной Латвии опустившегося, ставшего «мастером на все руки». Попав в тюрьму за грязные уголовные «дела», Кемпе выдает себя за шурина губернатора острова Ибис, изучает испанский язык и говорит о поездке в Испанию. Этот тип отличается исключительной последовательностью в своей цинично откровенной борьбе против политзаключенных. Как верный холоп, он систематически доносит начальству о всех действиях политзаключенных. Отсидев свой срок, «шурин губернатора» выходит «на волю»... Вдруг, для него совершенно неожиданно, летит кувырком весь старый порядок. В первые же дни органы советской власти в Латвии получают письмо, автор которого просит предоставить ему соответствующее место, как человеку, поплатившемуся тюрьмой за борьбу против проклятой плутократии. И под этим письмом подпись: Янис Кемпе... Так заканчивается этот острый, психологический рассказ.

О большой наблюдательности и таланте свидетельствует рассказ В. Лациса «Четыре поездки». Автор показывает жизнь и нравы рыбаков. Мрачная жизнь: рабский труд, церковь, корчма, драки. Ни одной светлой минуты, ни одного солнечного луча.

«В старом месяце» Ю. Ванагс показывает тяжелую судьбу деревенского бедняка Кюлиса, восставшего под конец против притеснений волостного старшины. У молодого писателя Ю. Ванагса еще нет своего определившегося стиля, но все же он уже намечается. Для Ванагса характерны мягкий юмор, ирония, согретая теплым лирическим чувством, любовные описания природы, простой народный язык.

Приятно отметить, что не только старый, заслуженный писатель А. Упитс, но и молодые авторы опубликованных в этом номере рассказов, уже в известной мере имеют свой творческий «почерк». В их произведениях чувствуются социальная направленность, бодрость, любовь к новой жизни, стремление к величайшей и единственной общественной правде — к коммунизму.

Половину журнала занимает раздел теории и критики. Центральное место в нем отведено работе А. Упитса «Марксистское литературоведение и критика». Это — начало большого научно-исследовательского труда по истории романа. Автор проработал и обобщил огромное количество материалов. Тонкий анализ, обоснованные, разносторонние и острые суждения о специфике литературных жанров характерны и для этой работы маститого латышского писателя. Более обстоятельно о ней можно будет высказаться, когда она выйдет полностью. Теперь же сделаем только несколько предварительных замечаний. Автор совершенно правильно критикует разных жалких литературных рыцарей «ульманизма», дает ряд верных методических указаний. Но высказывание Упитса о том, что литературу возглавят только те, «кто вырос из трудового народа...», напоминает нам о пролеткультовской ошибочной точке зрения. Все же глубоко верна вторая часть его тезиса: «...и кто всегда сохранял крепкие идейные связи с народом».

Много важных актуальных вопросов затрагивает Карлис Фрейнбергс в статье «Театр на новом пути». Автор высказывает ряд совершенно правильных, острых мыслей о социалистическом реализме. Но нельзя говорить, что социалистический реализм выражает только то, что находится в процессе становления. Нет, он выражает уже и много постоянных, вполне реальных достижений, и материальных, и идеологических. Самоотверженность, героизм уже стали массовым явлением в стране возрожденного человечества. Недостаточно четкую характеристику дает автор романтизму, полностью отвергая его прогрессивное значение; неправ он и в своих критических высказываниях о наследии прошлого. Статья в общих чертах задевает много вопросов; позже, конечно, придется говорить конкретнее о целом ряде важнейших проблем латвийского советского театра.

Ошибается Эдг. Шиллерс («Памяти Я. Райниса»), утверждая, что Я. Райнис испытал разочарование в буржуазной Латвии только в 1926 г. Нет, червь сомнений начинает точить сердце поэта буквально через несколько месяцев после возвращения в Латвию (1920 г.). А мысль об эмиграции появляется у него в начале 1922 г. (см. дневник Райниса от 31/I 1922 г.).

В отделе «Хроники» мы с удовлетворением прочитали сообщения о выходе ряда новых латышских художественных произведений (А. Упитса, И. Леманиса, А. Григулиса). Приятно было узнать, что вышли в свет «Буревестник» М. Горького в переводе А. Упитса, первая книга «Тихого Дона» М. Шолохова в переводе В. Гревиньша, «Стихотворения» В. Маяковского, переведенные Г. Дорбе. Здесь же помещен обзор русских книг, вышедших в РСФСР.

Хотелось бы высказать также несколько пожеланий новому братскому журналу.

«Karogs» пока единственный литературно-художественный журнал Латвии. Он должен отражать всю творческую художественную деятельность республики (включая и не-латышей). Поэтому нам казалось бы уместным сократить в журнале место «чистой» академической теории (например теории стиха) в пользу расширения художественного отдела и статей по актуальным, злободневным вопросам литературы и искусства. Надо также серьезно заняться разработкой литературного наследия.

Коммунистическое воспитание кадров — одна из важнейших задач журнала. Она включает в себя и политическое и философское воспитание и усвоение основных принципов социалистического реализма. Журнал должен ставить конкретные творческие задачи, вытекающие из требований времени, возникающие в процессе великого социалистического строительства.

Все эти вопросы, очевидно, не пройдут мимо внимания молодого латышского журнала, так удачно начавшего свою жизнь.

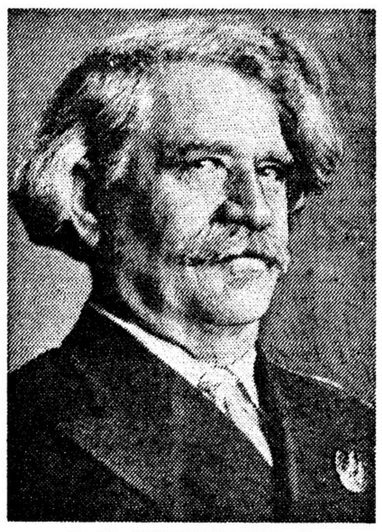
[1] Подстрочный перевод Б. Резюкова.

ПРЕЗИДИУМ ССП—С. Н. СЕРГЕЕВУ-ЦЕНСКОМУ

Дорогой Сергей Николаевич!

Президиум ССП приветствует вас с сорокалетием вашей литературной деятельности. Вместе со своими героями вы шагали по ухабам тяжкой российской дореволюционной действительности. Образ замученной прекрасной бунтующей крестьянки Антонины из «Лесной топи» звал к отмщению. Если нельзя немедленно сломить насилие, то надо верить в будущее, в новые поколения людей, — вот что было написано на вашем писательском знамени в глухие годы после поражения революции 1905 г. Мы помним ваш рассказ, так и названный вами — «Верю».

Как современник декадентской полосы в русской литературе вы, однако, не избегли некоторых разрушительных влияний буржуазного «конца века», но не менее знаменательно и то, что вы боролись с ними и побороли их. Благородная тоска по сильному волевому русскому человеку-строителю и отвращение к буржуазной культуре, обреченность которой вы так ярко показали, проходят красной чертой в ваших лучших произведениях кануна Великой Октябрьской революции. Резкий поворот ваш к реализму был отмечен в свое время большевистской газетой «Путь правды», писавшей: «Даже Сергеев-Ценский, один из бывших и несомненно наиболее талантливых русских декадентов, ныне идет к реализму. Своеобразным жизнерадостным мироощущением проникнуты все его последние произведения» (№ 5, 26 января 1914 г.). Ленинская газета, таким образом, зорко подметила в вашем сложном и оригинальном творчестве то, мимо чего прошла символистская критика.



С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

С тем большей радостью отмечаем мы ваше сорокалетие, что оно совпадает с появлением нового, самого крупного и ценного вашего произведения — исторической эпопеи «Севастопольская страда». Величие и патриотизм русского народа, нашедшего в себе силы, в условиях крепостничества, героически бороться с союзными армиями англо-франко-турецких интервентов, получили в эпопее полное, захватывающее изображение. Огромная портретная галлерея героев обороны: солдат, матросов и их умных, честных, талантливых полководцев — Нахимова, Корнилова, Тотлебена — представлена в эпопее с воодушевлением художника, любящего свой народ и его справедливое оборонное дело. Мы ценим также и другую выдающуюся особенность эпопеи: ее военно-стратегическую мысль, показывающую войну, как явление, под'отчетное разуму, управлению, руководству.

В художественной литературе военно-исторического жанра тема эта новая и правильная. То, что «Севастопольская страда» стала одной из самых читаемых и любимых книг в Советской стране, служит наглядным доказательством плодотворности вашей литературной деятельности и залогом дальнейшего вашего творчества.

Сегодня мы поздравляем вас также и с 65-летием со дня вашего рождения и горячо желаем вам на долгие годы здоровья для продолжения успешной работы на благо социалистической культуры.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Н. ЗАМОШКИН

Большой художник

Неожиданность, оригинальность форм— характерный признак большинства произведений С. Н. Сергеева-Ценского. Сорок лет исканий. Много находок.

В своих произведениях он обходится без подсказок читателю. Но случается, что и он «выдает себя». В одном из своих ранних рассказов «Верю» автор, глядя на ребенка, вдруг восклицает: «Жизни нелепых случайностей должен быть конец— я верю... Верю! Верю!»

Если проследить **все** движение идей Ценского, то окажется: свое «верю» он донес до наших дней, как исполнение желаний. И тогда становится понятным: откуда у «пессимиста» Ценского так много в его произведениях самой неподдельной молодости, ребятишек, юношей, девушек — неизменно прекрасных.

В «Печали полей» Ценский снова позволяет себе лирическое отступление: «Поля мои! Вот я стою среди вас один... Поля страдальцы, мои поля, родина моя — я припал к сырой и теплой груди твоей...» Это прекрасный аргумент в пользу того, что «Севастопольская страда» — эпопея о родине и народе, не родилась из ничего, что Ценскому вовсе не надо было сжигать все свои корабли.

Старый рассказ Ценского «Дифтерит» очень мрачен. Но в нем же автор отчетливо и горячо обрушивается на «дурацкую философию» — на веру в случай: «Не должно быть ни судьбы, ни случая, никакой этой ерунды. Есть следствие — значит должна быть причина». С этого момента причинность становится основной внутренней темой лучших произведений Ценского. И не только темой, понятие это переходит и в метод, в тайное тайных художественной формы. «Движения», «Наклонная Елена», «Массы, машины, стихии», «Искать, всегда искать», наконец, «Севастопольская страда» написаны, в сущности, по исследовательскому принципу. Внутри них, в подтексте скрыто желание написать еще и трактат на те же темы. Настойчиво, как забивают сваи, Ценский вскрывает целые пласты причин и выводит из них то или иное следствие.

Особенно широко этот метод Ценского осуществляется в его военных романах. Материал обязывает, в них действует историческая социальная среда. Овладеть таким материалом можно только, энергично проводя во всеоружии знаний и опыта идею причинности событий и их следствий.

В эпопее «Севастопольская страда» автор привлек все необходимое, чтобы вскрыть причины, почему опозорился царизм и почему обессмертил свое имя русский солдат и матрос. Чтобы превращение прапорщика Ливанцева в «Массах...» из «технократа» в революционера не показалось натяжкой, понадобилось показать его жизнь, жизнь десятой роты, жизнь армии и т. д. Ценский потому и «жестокий» писатель, что бесстрашен в познании действительности.

Метод причинного раскрытия жизни еще более оказался пригодным в изображении советской действительности. Жизнь, как воспитание, как искание, составляет внутреннюю тему «Искать, всегда искать». Шаг за шагом Леня Слесарев вырастает из мальчика, брошенного в водоворот гражданской войны, в ученого. Роман разбит на две части — на две формы исканий: пассивного и активного. Одни ждут счастья, другие делают его, в полном согласии с коллективом. Роман создан по принципу противопоставления одной формы воспитания — искания другой форме. Если бы речь шла о воспитании педагогическом, то дело было бы проще. Но воспитание жизнью, живой рост личности требовали особой продуманности изображения.

С давних времен повелось думать, что «Бабаев» — роман декадентский, сатанинский. Герой, действительно, декадент, мало того — изверг, каратель. Но, застрелив Бабаева рукой девушки-революционерки, автор поднялся над героем. Все же характер героя определил и метод изображения — взвинченный, интроспективный.

Совсем иные приемы, «простой» стиль, язык, форма «Севастопольской страды» происходят от чрезвычайной ясности содержания. Хлопонину на бастионах не до сложных ассоциаций. Слова героев эпопеи суть уже дела их. Дела же и слова их окрашены в невыцветающий цвет героизма, непобедимости. Когда тело убитого на вылазке товарища матроса Кошки было выставлено на бруствер и подперто, чтобы держалось, стоя, Кошка весь загорелся негодованием на врага. Ненависть к «глуму над товарищем» была так велика, что он пошел на все, жертвуя собственной жизнью, и принес труп товарища к своим. Подвиг этот — один из многих образов непобедимого в народе товарищества, он — в системе всего произведения.

Несокрушимый дух войск не был «учтен» политиками Англии, когда они начинали войну с Россией. Разве они имели, например, понятие о простом русском солдате, рядовом Камчатского полка Егоре Мартышине? — спрашивает писатель, выходя за рамки «чистого показа». И нельзя было не выйти: так потрясающе действуют на писателя драматизм и скромность рядовых защитников Севастополя.

Еще в Дунайскую кампанию Егор Мартышин проявил себя большим «чудаком», т. е. благороднейшим человеком. Будучи песенником, идя в атаку, он возьми и запой: «Эх, зачем было горо́д городить», а турки и дай в этот момент «зало́п». Пуля застряла в языке. Мартышин посчитал такое ранение за сущий пустяк и не пошел на перевязочный: «У других раны, а у меня — что? Я и пообождать могу»... Чувство товарищества в нем сильнее чувства боли, страдания.

Сергеев-Ценский самыми простыми примерами, самыми меткими, душевными словами раскрывает тайну непобедимости народа — верность, товарищество, ту самую тарасо-бульбовскую верность, которая горами ворочает, от смерти спасает. Великие современники Крымской войны Маркс и Энгельс вот что писали тогда о Мартышиных: «Русские солдаты являются одними из самых храбрых в Европе.., и всегда легче было русских расстрелять, чем заставить бежать обратно».

Эпопея — монументальный синтетический жанр литературы. Народ в ней — в движении. В эпопее Ценского, как на многокрасочной фреске, показана композиция войны, а значит и сама эпоха. Такая панорама требует времени для обозрения. Многообразные элементы этой исторической эпопеи связаны в один большой узел действия. Совершенно понятно, что сюжет и композиция эпопеи Ценского продиктованы хронологической канвой. Внутри этой постройки есть целые архитектурные ансамбли, в которых автор позволил себе быть независимым от хронологии и документов. Сюда относятся два самостоятельных, «вымышленных» романа, вписанных в эпопею.

Была ли необходимость столь широкого охвата событий? Не есть ли это та экстенсивность изображения, которая говорит о забвении автором принципа художественного отбора? Бальзак писал: «Талант расцветает в изображении причин, порождающих факты, в тайнах человеческого сердца, движениями которого пренебрегают историки. Персонажи романа вынуждены быть умнее, чем исторические персонажи. Первые должны быть побуждены к жизни, — вторые жили. Литература не может живописать военные события сверх определенного об'ема. В. Скотт и Купер никогда не описывали в своих произведениях целую битву, они довольствовались тем, чтобы в мелких стычках показывать дух обеих сражающихся масс».

Бальзак писал о своем и современном ему творческом опыте. Развитие литературы, возможности, заключающиеся в ней, не позволяют совет Бальзака признать за единственно возможный. Эпопея Ценского ставит все эти вопросы в значительной мере по-новому. Частные персонажи в историческом романе XIX века действительно «умнее» исторических персонажей (это и у Толстого, за исключением Кутузова). Но как быть, если вдруг исторические персонажи оказываются не мельче, а крупнее и умнее средних людей, например, Пирогов, Корнилов, Тотлебен, — у Ценского? Лица эти действительно «жили», но значит ли это, что они уже не нуждаются в «побуждении» к жизни?

Историческую эпопею без исторических лиц, стоящих в центре событий, построить невозможно. То же и с «мелкими стычками»: они не дают материала для познания многих важнейших законов военного действия, например, военного управления, плана войны и т. д. Эпопея может и должна поставить эту тему. Ценский поставил ее.

Ни В. Скотт, ни Купер с его «охотничьей» стратегией, по самому характеру материала, который они описывали, не были знакомы с войной, подобной Крымской. Уже Толстой и Золя изображали огромные сражения, а не только мелкие стычки. Стоит ли говорить о том, что Ценский живет в эпоху мировых войн и революций! Проблема руководства войной теперь особенно важна, — не только люди, но и сложнейшая техника требуют руководства, — поэтому Ценский в своей эпопее повернул руль с мира на войну.

Иной жанр в «Бабаеве». Вначале, в 1908 г., он был выпущен как книжка рассказов, с общим названием «Бабаев». Десять самостоятельных рассказов с общим героем. Потом оказалось, что рассказы составляют десять глав романа, где каждая предыдущая подпирает последующую. Без большого мастерства композиции — этого не получилось бы. Если мы переставим слагаемые в романе (главы), то изменится сумма: развратник Бабаев едва ли превратится в карателя. Выпадает из жанра лишь последняя глава, называющаяся «Бесстенное». Выпадает потому, что тут все от абстракции, метафизики.

Иной жанр — и в «Вале», первой книге эпопеи «Преображение». Роман построен на воспоминании о женщине, умершей еще до того, как раскрывается первая страница романа. Дама-невидимка живет как персонаж в представлении Дивеева, который хочет, чтобы все пошло вспять, чтобы вернулось упущенное счастье. Когда человек теряет в жизни опору, он пытается опереться на воспоминание. Интимные рамки романа резко раздвигаются к концу его. Один план действия переливается в другой, более широкий, общественный, однако в пределах личного опыта героя. Герои романа бездействуют, они «переживают». Чтобы бездействие могло стать материалом повествования, чтобы ничто не грешило против правды, понадобилось виртуозное владение материалом.

Все последующие романы Ценского не похожи на «Валю» — для них характерен образ, как аргументация. Но перед тем, как обратиться к аргументу при помощи образа Ценский в «Обреченных на гибель» (вторая книга эпопеи), можно сказать сломал роман, как жанр. Роман-река (вся эпопея) разбился на множество рукавов, образовав целую дельту из отдельных книг, связанных между собой огромным замыслом преображения русской жизни. Уже одно то, что только последние главы романов служат для связи частей в одно целое, говорит о том, что «Преображение» — вольная эпическая форма. Действие в «Обреченных на гибель» происходит на пороге конца старого мира. Безбольные превращаются в обреченных. Краски от этого становятся гуще, резче, я бы сказал, грубее, чем в «Вале». Разумеется, изменилась от этого и сама тональность изображения: лиризм исчезает, появляются линии, штрихи, глубоко проведенные резцом. Тревога завладевает персонажами. Слаженность частей, характерная для «Вали», пропадает.

«Выдает себя» Ценский не только в «отступлениях», но и в образах его героев, которых можно назвать «идущими вперед». Это — лейтенант Стеценко, адмирал Корнилов и др. в «Севастопольской страде»; они понимают смысл событий. Даутов, с его рациональным мировоззрением, и Ливенцев — волевой человек. Все они выражают прогрессивные тенденции жизни, и поэтому всем им, родившимся под «торопливым», работающим солнцем, свойственна категорическая, почти принудительная, интонация в суждениях, в разговорах. Они говорят так, как будто борются с невидимым противником.

Про Ливенцева автор говорит: «Если бы тысячи моралистов всех сортов стали убеждать его, что ненависть к человеку — тягчайший грех, он, конечно, послал бы их к чорту». Обратите внимание: если бы даже тысячи... Очень характерно в этой фразе вводное слово — «конечно». В нем интонация Ценского, его ораторского стиля. Слабые люди у него говорят с оглядкой на других. Удивительная последовательность, удивительное чувство связи между «как» и «что».

Замечательной находкой, открытием С. Ценского является пейзаж.

«Пейзаж ваш — великолепнейшая новость в русской литературе», — писал Горький Ценскому. Это и в самом деле так. Новизна пейзажа Ценского не только в красках, колорите, но и в том, для чего этот пейзаж, как выражает он идею произведения, растворяясь в ней и сам становясь ею.

«Лесная топь», «Печаль полей», — поэмы в прозе. Поэмами они названы потому, что однажды взятая в них лирическая нота проходит сквозь весь сюжет, не останавливаясь, все нарастая и нарастая. Антонина родилась в топи, среди «шишиг», девочкой была напугана топью, бунтовала в ней, каялась в своих грехах и умерла в топи. В этом полном слиянии пейзажа со всем содержанием вещи и заключается «новость в русской литературе». «Вода там была холодная и стерегущая», «выжидающе выглядывала из-за стволов темными глазами, чтобы броситься, втянуть и сосать»... «И топь окружила Антонину со всех сторон»... «Топь тускло поблескивала засыпающими глазами, прячась за мягкими обомшенными кочками, как живая, тихо дышала холодным дурманом испарений.. и вливалась в душу ледяными струйками, быстрыми и острыми, как уколы булавки: уколет и отскочит».

То же и в «Печали полей»: просторный пейзаж их не отделим от действия, он — и фактура его, и самый грунт. Родина, народ в томительном ожидании бури, революции, — и отсюда печаль — от нетерпения. Печален пейзаж потому, что и чувство печально.

Разговоры о назначении пейзажа после прочтения поэм Ценского легко можно перевести из плана умозрительного в план конкретный. Русская литература богата пейзажами. Ценский внес в нее свою композицию пейзажа. Но не только это. У него и свои краски: очень буйные, яркие. Ценский алчно глотает тона солнца. «Солнце здесь было такое ясное, так очевидно было, что от него жизнь, что как-то неловко становилось перед ним за минареты и колоколенку и хотелось как-нибудь занавесить их на день» («Валя»). Ценский — поэт Крыма. Десятки картин, композиций. У него есть **маляр** Тимофей, он весь «заляпан» красками солнца. Но Ценский — и поэт севера: лесного, хвойного, болотного. На юге — голоса, звуки, запахи, шумы красок, на севере — **тишина.**

Тишина в пейзаже играет замечательную роль у Ценского. В тишину идет неугомонный Антон Антонович, — когда истаяла его энергия («Движения»). Это случилось на севере, куда он пришел с юга, из солнечной Тростянки. Пейзаж здесь аккомпанирует социальной теме, ни на шаг не отступает от нее. Тишины ищет контуженный на бастионах Севастополя Хлопонин, он бродит по тылам России, по ее курским пейзажам, но нет в них тишины: страна, народ приходят в движение. Тишина — смерть, а грохочущая война за родину — жизнь. Не нужно человеку тишины.

Множественность, многообразие форм Ценского держится на единстве метода, многогранности таланта. Совершенно необходимо творческое прочтение произведений этого крупнейшего советского писателя.

КАРТИНА ИЗ ПЬЕСЫ

«Боевые бастионы»

С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Столовая в квартире Нахимова. Нахимов с четырьмя ад'ютантами своими — Ухтомским, Фельдгаузеном, Колтовским и Костыревым — пьет чай. Первый — капитан-лейтенант, остальные — лейтенанты.

УХТОМСКИЙ. Так как завтра, Павел Степанович, ваши именины, то...

НАХИМОВ. Как так мои именины? Какое завтра число?

УХТОМСКИЙ. Завтра — 29 июня, день Петра и Павла. А у нас ничего почти нет... Даже вино и то на исходе.

НАХИМОВ. Пустяки-с! Вздор-с! Именины!... Тоже нашел время, когда именины справлять!.. Да и кто ко мне придет на именины? Все заняты, у всех дела по горло-с... Однако до конца июня уж мы продержались, — вот как!... А в сентябре прошлого года думали, что Севастополю пришел конец... Тогда виноград люди ели, а скоро и новый есть будут-с.

КОСТЫРЕВ. Десять месяцев чуть не вся Европа пыхтит, чтобы сдвинуть нас с места! И со всей своей техникой все-таки не может!

НАХИМОВ. И не сдвинет! А кто же это уперся так ногами в землю, что его и сдвинуть нельзя? Русский матрос! Матрос, — вот кто-с. Ожидал ли кто-нибудь что он переменит море на сушу, а сам останется каким и был? Никто не ждал-с! И я, даже я сам сомневался, в чем и каюсь!.. А вы еще молоды все и вы это знайте: первая пружина во время войны кто? — Матрос! А мы с вами—вторые-с. Матрос, а также солдат,—вот кто первые фигуры-с! Они все делают на войне, и работают, и стреляют, и ходят в штыки-с! И когда вы говорите с матросом, — также и с солдатом, — вы, друзья мои, забывайте в это время, что вы дворяне-с, а помните то, что я вам сказал и всегда повторять готов: он — первая пружина, вы — вторая. На что уж орел был Владимир Алексеич Корнилов, — вечная ему память! Но вот он погиб на Малаховом, а Малахов стоит!... Уступил я тот гроб, какой себе приготовил рядом с Корниловым, адмиралу Истомину... Вот кто был рачительный хозяин Малахова — Истомин! Привычку имел говорить: «От ядра не спрячешься!» И не спрятался,—нашло его голову... Вечная память ему!... Это — в начале марта было-с, а что же Малахов? Стоит, как и стоял при Истомине-с, — вот как-с!... Кто же его держит нерушимо? Матрос!... Также и солдат... А мы что же-с?... Мы, разумеется, нужны для порядка, но-о гордиться перед матросом нам нечем-с!

КОЛТОВСКОЙ. Однако, Павел Степанович, не вы ли горевали так, когда ранили генерала Тотлебена?

НАХИМОВ. Я и сейчас горюю: Тотлебена, оказалось, заменить некем. А Горчаков мост через Большой рейд строит, чтобы из Севастополя гарнизон вывести... Какая подлость! Какая низость!

(Входит Витя Зарубин — мичман).

ВИТЯ. Ваше превосходительство! Приказано мне генералом Хрулевым доложить вам, что неприятель усиливает свои действия против третьего бастиона!

НАХИМОВ. А-а!... Я как раз туда и хотел сейчас ехать... а оттуда на Малахов... Как фамилия?

ВИТЯ. Мичман Зарубин, ваше превосходительство!

НАХИМОВ. А-а, помню-с... Можете итти-с! (Витя уходит.) Как эти слова из Гете насчет мужества? Вы, кажется, говорили? (Фельдгаузену.) Повторите-ка.

ФЕЛЬДГАУЗЕН. «Если ты потерял состояние, — то ты ничего еще не потерял, состояние ты можешь нажить снова. Если ты потерял честь, то попробуй приобрести славу, и честь тебе возвратят. Но если ты потерял мужество, то ты потерял все!»

НАХИМОВ. Очень хорошо-с! Насчет мужества вполне прекрасно-с. Золотые слова-с!.. Поэтому, господа, едем на третий бастион... а потом на Малахов-с! (Поднимается, и все ад'ютанты тоже).

УХТОМСКИЙ. Все-таки, Павел Степанович, мы бы с Фельдгаузеном хотели заняться вашим завтрашним праздником... Вы разрешите нам это?

НАХИМОВ. Пустяки, пустяки-с, не разрешаю-с!... Впрочем, вы оба мне и не нужны-с, — мне и двух флаг-офицеров довольно-с.

(Обращаясь к Колтовскому и Костыреву). Вы, господа, поедете со мною.

КОСТЫРЕВ (переглядываясь с остальными). Павел Степанович, может быть сегодня бы вам не ездить?

НАХИМОВ. Как не ездить? А что такое-с?

КОСТЫРЕВ. Да вот... за обедом красное вино на стол пролили мы, — считается это очень плохой приметой.

НАХИМОВ. Вон до чего уж дошло-с! О мужестве говорите, а красного вина стали бояться! Сейчас же едем на бастионы! Идите-с!

Поворот сцены.

Малахов курган. Вся площадка его теперь густо покрыта насыпями над крышами блиндажей и пороховых погребов. Кучами лежат мешки с землею, необходимые для ремонта амбразур. В амбразуры глядят, выстроившись в линию, огромные орудия, снятые с судов. Амбразуры выше орудий завешены толстыми веревочными матами, защищающими артиллеристов от пуль, летящих из окопов французов, которые придвинулись уже близко. В стороне от «стенки», то есть вала, — примерно на середине площадки бастиона, башня, от которой остался только нижний этаж. Вместо крыши на ней мешки с землей. Около башни — несколько офицеров.

К орудиям, обойдя башню, подходит Нахимов в обычном своем сюртуке с адмиральскими эполетами и в белой фуражке. При нем только один ад'ютант лейтенант Колтовской. Около орудия трое матросов во главе с комендором (наводчиком) Сенько.

НАХИМОВ. А-а, Сенько! Жив-здоров? Слава богу! Здравствуй!

СЕНЬКО. Здравья желаю, Павел Степаныч! Все ли здорово?

НАХИМОВ. Ничего, ничего, братец, — как видишь.

СЕНЬКО. Ну, дай боже, Павел Степаныч!

(Нахимов взбирается на банкет, — то-есть насыпь перед валом, с которой можно смотреть через зал и в отверстие между веревочной занавеской и щекой амбразуры).

КОЛТОВСКОЙ (предостерегающим тоном). Павел Степанович!

(Нахимов только глядит на него строго, берет подзорную трубу у матроса-сигнальщика и начинает разглядывать неприятельские окопы и траншеи. Колтовской, переглядываясь с Сенько, безнадежно машет рукой и отворачивается. Со стороны башни поспешно идет командир Малахова кургана, капитан 1-го ранга Керн, а за ним лейтенант Костырев и матрос Короткий, ординарец Керна).

КЕРН (подойдя к орудию, лезет на банкет, становится сзади Нахимова и рапортует). Ваше высокопревосходительство, на вверенном мне участке оборонительной линии все обстоит благополучно!

НАХИМОВ (во время рапорта оборачивается, берет под козырек, потом протягивает Керну руку). Здравствуй-с! Вы где изволили быть сейчас?

КЕРН. У всенощной. Сейчас идет служба в башне. Не угодно ли вам, Павел Степаныч, сойти с банкета, отслушать службу?

НАХИМОВ. Нет, уж я сюда шел, а не в башню-с, и здесь буду-с.

КЕРН. Всенощная уже кончается... Может быть, все-таки зайдете?

НАХИМОВ. Можете достаивать-с: я вас не держу-с!

КЕРН. Но ведь тут очень опасно стоять... И все офицеры хотели бы видеть вас у всенощной: завтра — Петра и Павла, — ваш день ангела... Они хотели бы поздравить вас с преддверием...

НАХИМОВ. Я вас не держу-с! (Отворачивается от Керна и смотрит через амбразуру. Керн глядит на Колтовского и Костырева, пожимает плечами и с очень тревожным лицом спускается с банкета к орудию. Оба ад'ютанта Нахимова, приученные уже им к этому, не делают сами попыток подействовать на адмирала, но они кивают Керну на матроса Короткого, и Керн шепчет ему на ухо, показывая пальцем на Нахимова).

КОРОТКИЙ (проворно вскочив на банкет). Павел Степаныч! Тут стоять никому не полагается! Стреляют!

(Как раз в это время раздается выстрел из французских окопов, и пуля попадает в мешок около локтя Нахимова).

НАХИМОВ. Метко стреляют, канальи!

(Короткому делают знаки Керн и лейтенанты).

КОРОТКИЙ (отчаянным голосом). Павел Степаныч! Убьют ведь! Сойдите вниз, ради бога!

НАХИМОВ. Не всякая, братец, пуля — в лоб!

(Новый выстрел, и Нахимов вдруг пошатнувшись, падает навзничь, раненный пулей в лоб над левым глазом. Короткий его подхватывает. На помощь ему бросаются Керн, лейтенанты Колтовской и Костырев, матросы. Адмирала укладывают на землю за банкетом. Свалившуюся с него фуражку кладут ему на грудь.).

КЕРН. Боже мой! Вот что вышло!... В госпиталь его, в госпиталь его скорей! На Северную! Там Гюббенет, — про-фессор!

ОДИН МАТРОС. А вот наша бастионная сестра идет!

ДРУГОЙ МАТРОС. Авось перевяжет покамест!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (всплескивая с подхода руками). Ах, господи! Ах, батюшка милосердный!... Ах, голубчик ты мой!

КОРОТКИЙ. Перевязывай скорей! После ныть будешь!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Да ведь бинты-то у меня в блиндаже, дорогой! Ах, злодеи, что сделали!

КОРОТКИЙ. Я твои бинты принесу! (Убегает).

КОЛТОВСКОЙ (склонившись над Нахимовым). Павел Степанович! Павел Степаныч!... Без сознания!

КОСТЫРЕВ. А жив ли? (Щупает одной рукой пульс, другую кладет на грудь Нахимова). Жив!

(Сходятся офицеры от башни. Керн вытирает глаза платком).

1-й ОФИЦЕР. Что? Ранен адмирал?

2-й ОФИЦЕР. Убит?

3-й ОФИЦЕР. Видишь? В голову!

4-й ОФИЦЕР. В голову? Навылет?

3-й ОФИЦЕР. Конечно, навылет!

4-й ОФИЦЕР (машет безнадежно рукой). Значит, конец!

5-й ОФИЦЕР. А, может, как у Кутузова было.

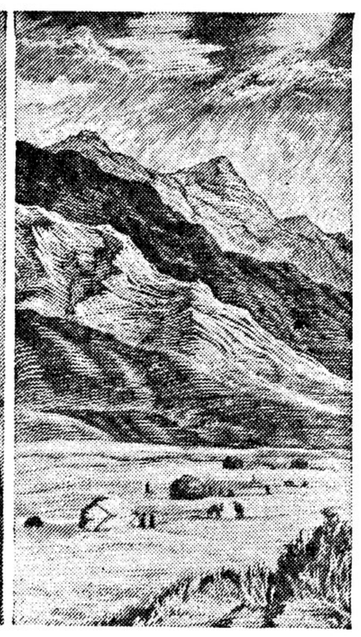
1-й ОФИЦЕР. И тоже ведь в Крыму ранен был Кутузов!

КОРОТКИЙ (подбегает с бинтами. Прасковье Ивановне). Вот на, перевязывай! Как считаешь, живой останется?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (перевязывая). Несите к доктору, а я что, баба, тут могу? Может, доктора определют... Ах, нехристи, какого человека исхарчили!

КОЛТОВСКОЙ. Душа обороны отлетела!... ...Ну, что же носилки? Где носилки? Нужно нести на перевязочный! Или уж прямо в госпиталь, на Северную... Эх, Павел Степаныч, Павел Степаныч! (Являются матросы с носилками).

■ ■ ■



Государственное издательство «Художественная литература» готовит к печати книгу «Лирика и поэмы» Абая Кунанбаева. На снимке: иллюстрации к книге и портрет Абая работы худ. В. Н. Ростовцева.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ

«Література і мистецтво»

ЛЬВОВ. **(От наш. корр.).** Вышел из печати первый номер ежемесячного журнала «Література і мистецтво» («Литература и искусство»), издаваемого львовской организацией Союза советских писателей Украины.

В журнале почти полностью напечатана коллективная поэма «Счастливый год», написанная украинскими, польскими и еврейскими поэтами ко дню 17 сентября. Затем напечатаны три небольшие новеллы: «Прощанье с сыном»—польской писательницы Эльжбеты Шемплинской, «Бумажка в руке» — молодого украинского новеллиста Владимира Шаяна и «Ваятель» — начинающего украинского писателя Иосифа Позычанюка. Поэзия представлена стихотворениями Петра Карманского, Богдана Нижаникивского, Александра Гаврилюка, Леона Пастернака и Юрия Шкрумеляка. Кроме того, в номере опубликованы статья польского критика Эмиля Ширера о романе В. Василевской «Пламя на болотах» и статья о местных живописцах, скульпторах и графиках.

Подготовляется к печати второй номер журнала, который должен выйти из печати в конце октября. В большей своей части он будет состоять из произведений, премированных на только что закончившемся конкурсе на лучшую новеллу и стихотворение, посвященные освобождению Западной Украины от польско-шляхетского гнета.

«Лооминг»

Вышел из печати сентябрьский номер эстонского литературного журнала «Лооминг».

Номер открывается стихами советских поэтов — А. Жарова, Ило Мосашвили, Джемалдина Яндиева и Камиссы Муртацалиевой (Чечено-Ингушетия) и А. Мартынова (Мордовия) — в переводе поэтессы Марии Ундер. В номере опубликованы также переводы двух стихотворений Пушкина («Брожу ли я вдоль улиц шумных» и «Угасших лет безумное веселье»), сделанные поэтом Яном Кэрнером, новое стихотворение Иоганнеса Барбаруса «Август», посвященное поэту Августу Алле, в связи с его пятидесятилетним юбилеем, и стихотворение Айры Каал «Другу-нытику».

В отделе беллетристики напечатано окончание повести Августа Якобсона «Встреча на мосту» и рассказ Рихарда Рохта «Торговля».

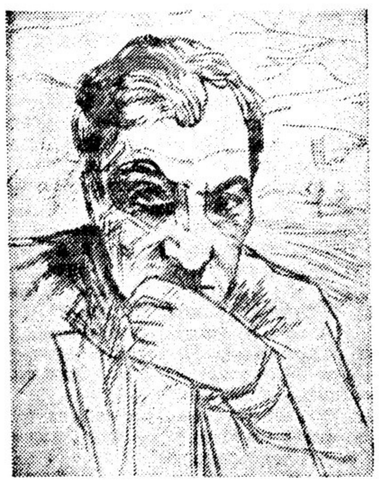
В отделе критики — статья Э. Хубеля (М. Метсанурка) «О советском историческом романе», М. Пукитса о Райнисе и ряд статей, посвященных творчеству Августа Алле.

В отделе обзоров: передовая «Литературной газеты» «О важнейших задачах Союза писателей», очерк Артура Адсона «О новых проблемах советского театра», корреспонденция М. Силлаотса «О переводах в Советском Союзе» и заметки о «Джангре».

«Пуна липпу»

ПЕТРОЗАВОДСК. **(От наш. корр.).** Вышел первый номер литературно-художественного журнала карело-финского Союза советских писателей «Пуна липпу» («Красное знамя»). Выход первого финского литературно-художественного журнала — большое событие в жизни литераторов молодой союзной республики. В первом номере «Пуна липпу» напечатана большая поэма депутата Верховного Совета Союза ССР поэта Армас Эйкия — «Песня об орле», посвященная героическому борцу финского пролетариата Тойво Антикайнену, новый рассказ старейшей финской писательницы Хильды Тихля, глава из последней книги Михаила Шолохова «Тихий Дон», новый перевод «Левого марша» В. Маяковского, ряд произведений финских и русских писателей.

Поэзия Аветика Исаакяна



Аветик ИСААКЯН
С портрета работы художника М. С. Сарьяна

Р. ВАРТ

«Варпет» (мастер) — так называют трудящиеся Советской Армении своего любимого поэта Аветика Исаакяна. Такой высокой оценки, выражающей беспредельную любовь, уважение и преклонение перед мастерством поэта, удостаивались только лучшие творцы армянской культуры и искусства. Слава поэта вышла далеко за пределы Армении. Аветика Исаакяна знали и преклонялись перед обаянием его таланта лучшие представители русской и западноевропейской литературы. Александр Блок в своих переводах открыл русскому читателю тонкое очарование лирики Исаакяна. Он считал его «первоклассным» поэтом. В одном из своих писем 1916 года Блок писал, что «может быть такого светлого и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет».

Аветик Исаакян вошел в литературу во второй половине девяностых годов XIX столетия, когда уже были известны имена Ованеса Ованесяна и Ованеса Туманяна. Его первый сборник стихов, вышедший в 1898 году под названием «Песни и раны», сразу обратил на себя внимание читателей своей оригинальностью, свежестью и неподдельным чувством.

Исаакян выступил как певец неразделенной любви, «измученного, окровавленного сердца». Никто в армянской литературе так не пел о любви, как он, и любовь в его песнях была удивительно чистой и глубокой.

Средневековые армянские поэты писали только о радостях любви. Любовь опьяняла их, даже монахи, встретившись с ней, забывали «о книге святой».

Впервые прозвучали скорбные мотивы отвергнутой любви в чудесных песнях Саят-Новы, народного поэта второй половины XVIII века. Любовь — это страдание, болезнь, которая не дает покоя певцу. И он не находит утешения в этом мире. Поэтический герой Аветика Исаакяна так же отвергнут своей возлюбленной, как и у великого поэта Саят-Нова.

В своих миниатюрах, посвященных любви и страданиям человека, Исаакян создал образ лирического героя, живущего единственно пафосом любви, заполняющей все его существование. Он готов стать и «небом и землей», «луной ночной и солнцем дня» ради возлюбленной. Без любви он не мыслит жизни. Но отвергнутый любимой Шушан, которой посвящены его стихи, он живет идиллической мечтой об осуществленном счастье. Он мечтает о шалаше на берегу Араза, в котором «вечно пламенел очаг», «чтобы сидела рядом милая Шушан» и для милой своей «отдыха не знать». Но «бедное раненое сердце» поэта долго не может жить нереальной мечтой, иллюзией, он хочет действительного счастья, он хочет любить чистой идеальной любовью. Но у лирического героя Аветика Исаакяна одна, цельная любовь. Отвергнутый возлюбленной, он не может мелко растрачивать свои чувства. Его любовь глубока, как океан, и цельна, как Алагяз. И, естественно, у него только остается одиночество и глубокое человеческое горе «ущелья глубже, выше гор». Это горе неразлучно с ним, он не находит успокоения.

В море горе свое утоплю,
Мир исхожу, затеряюсь в пути.
Мир и душа моя — боль и мираж,
Нету покоя, куда ни пойти.
Голову на чужбине сложу
И не вернусь — затеряюсь в пути.

Счастья, о котором он мечтал, герой Исаакяна не нашел в окружающем его мире. «Крылья разбились», «их опять не взметнуть». Герой приходит к мысли о невозможности счастья на земле.

Как ни зови, как ни моли,
Бессильный, дряхлый мир.
Ты черной горсткою земли
Заткнешь мне горло, мир.

Герой Исаакяна оставляет ненавистный ему мир и с посохом в руках, как безломный странник, бродит по земле. Уход от действительности, безысходность и пессимизм характерны для дореволюционной субъективной лирики поэта. Исаакян обрушивается на буржуазную торгашескую действительность, отрицает самые основы собственнического мира. Герой его поэмы, написанной в 1909 г., знаменитый поэт Абу Лала Маари оставляет чудесный город Багдад и уходит в пустыню «к безлюдным краям, свободным, святым, в изумрудную даль...» Он стремится к солнцу, символически олицетворяющему в поэме будущую, несколько неясную, но яркую, радостную жизнь. Абу Лала Маари не жалеет, что оставил людей:

Что за нами осталось, о мой караван!
Чтоб вернуться назад, в отчизну свою?
Покинули мы друзей и жену?
Богатство и славу, родных и семью?
Покинули мы людей и народ?
Закон, справедливость, отчизну, права?
Иди, не медли! Покинули мы лишь оковы и цепи, обман и слова.

Ненависть к буржуазному миру привела Аветика Исаакяна к отрицанию человеческого общества. На этом основании некоторые критики в поэме «Абу Лала Маари» и в немногочисленных маленьких стихотворениях находили мотивы ницшеанской философии. Едва ли можно согласиться с этим. Индивидуализм и пессимизм характерны для лирических героев Исаакяна. Но какая разница между индивидуализмом страдающего, «кровью плачущего сердца» и индивидуализмом ницшеанских героев, стремившихся построить свое счастье только на угнетении и подчинении всего человечества своей воле!

В своей скорбной душе герой Аветика Исаакяна оставил место для мечты о будущем, счастливом мире. Он верил, что наступит подлинная человеческая жизнь, очертания которой были ему неясны, и поэтому он дал этому миру имя солнца. По определению Валерия Брюсова в «рефлективных» стихах А. Исаакяна, посвященных трагедии любви и человеческого бытия, и в поэме «Абу Лала Маари» больше всего сказалось влияние западноевропейского символизма. Но, как правильно замечает Валерий Брюсов, это влияние «отразилось на творчестве армянского поэта только в своих основных чертах, скорее как мировоззрение, чем как литературная программа». И действительно, творчество А. Исаакяна не укладывается в эстетические нормы символизма. У него нет тяготения к иррациональному, «потустороннему» миру. Тогда, когда поэт пытается представить будущее человеческого общества, он прибегает к символу, а не к символизму, как определенному художественному миросозерцанию. Эта символика часто идет от восточного и в частности от армянского народного творчества.

В своих дореволюционных произведениях Исаакян выступает преимущественно как поэт-романтик, со свойственными этому стилю абсолютными нормами поведения лирического героя, романтическим уходом от действительности в мир природы и т. д. Но подлинно человечное, искренно любящее сердце поэта, желающее счастья и любви, не могло долго бродить по знойным пескам Аравийской пустыни.

Караван мой брепчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...

И он возвращается к жизни, которую любит даже тогда, когда она заставляет его страдать. Он и страдания свои любит, потому что они связывают его с реальным миром, являются неразделимой частью его большой любви к человечеству. «После долгих лет скиталец» он «завидел милый дол. Перешел семь гор высоких, семь морей переплыл, все утратил.., но до родины добрел». Все отворачиваются от странника, не узнают его ни друзья, ни знакомые, только старуха мать, увидев, обняла измученного и уставшего сына. У Аветика Исаакяна целый цикл стихов, посвященных матери. В самые тяжелые минуты одиночества и горя поэт обращается к своей матери, в любви которой он уверен. Образ матери, созданный Аветиком Исаакяном, — одно из лучших созданий мировой поэзии. Это мать всех сыновей, всего человечества.

Аветик Исаакян создал многочисленные стихи на мотивы народных песен, которые десятки лет распеваются трудящимися Армении. В этих поистине народных произведениях он показал тяжелую долю крестьянина, его любовь к труду, к природе и земле, искреннюю и чарующую привязанность возлюбленных, окутанную легкой дымкой грусти. В народных стихах Аветик Исаакян следовал традициям выдающегося поэта Ованеса Ованесяна, с именем которого связано блестящее развитие армянской поэзии после 80-х гг. прошлого столетия. Но Исаакян пошел дальше своего учителя. Его песни, собранные под общим названием «Песни ашуга», являются лучшими в армянской литературе.

В извилистом и противоречивом творческом пути Аветика Исаакяна причудливо сочетались мотивы скорби и печали с темой радости мирного труда селянина, освобождения многострадального армянского народа от векового ига и торжества правды на земле. Он в мыслях и песнях своих предчувствует, как «зеленеет огненное диво, солнце новых дней встает — свобода». Перед первой русской революцией, во время всеобщего под'ема общественного движения, Исаакян призывал трудящихся сбросить иго эксплоатации и порабощения. В эти дни он выступил как истинный певец трудящихся, в защиту народных чаяний.

После многолетних трудов А. Исаакян в 1937 году закончил поэму «Мгер из Сасуна», которая наряду с «Сасунци Давид» Ов. Туманяна является наилучшей поэтической обработкой армянского эпоса. Если Туманяна увлекал образ Давида из третьей ветви армянского эпоса, в которой он видел наиболее полное олицетворение героических черт армянского народа, то Аветик Исаакян изображает последнее поколение эпоса, в образе которого он дает незаурядное по глубине мысли и совершенству художественной формы, полное светлого оптимизма поэтическое произведение.

И Мгера пещера таит.
Он сидит на могучем коне
В броне,
Молния в правой руке,
Щит на левой руке,
На голове его шлем.
Слушает... мир окружающий — нем.
Слушает... глухо, темно.
Вся душа его — в слухе,
Ухо к народу обращено.

Аветик Исаакян показал, как этот могучий богатырь, носитель правды, ушедший от мира, вернулся к народу.

Социалистическая действительность оплодотворила творчество Исаакяна, обогатила его поэзию новыми красками. В настоящее время он работает над большой поэмой о В. И. Ленине.

С теплым чувством благодарности поэту отмечают армянский народ и народы всего Советского Союза 65-летие Аветика Исаакяна, большого, талантливого художника.

ПО МАСТЕРСКИМ ХУДОЖНИКОВ. Портреты К. А. Тренева и В. В. Иванова — работы заслуженного деятеля искусств П. П. Кончаловского (Масло. 1940 г.). Фото Ю. Говорова

Новые стихи

Александр ЯШИН

ВЕСЕННЕЕ

Я даже сна лишился,
Я тоскую,
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах
Тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою.

И вышел в чащу, разминая плечи,
И жмурится —
Вокруг еще бело.
Он, верно, ждет со мною новой встречи,
Держа клыки и когти наголо.

И я зажмурюсь
И услышу ясно
И сосен стон густой,
И свист стрижа.
Запахло мхом и ягодой.
Напрасно
Меня ты хочешь дома удержать.

Поедем вместе
К волокам сосновым,
В малинники,
В морошковый заваи,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал,

Пройдем пешком тропинкою песною
К живой воде —
К былинному ключу.
Зверья боишься?
Сладившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать.
Карандашом не тронуты ни разу
Они из мертвых могут воскрешать.

Котомки сами просятся на спину,
Уже сквозь стены проникает свет...

Далеко где-то зацвели рябины, —
За Вологдой,
А мне покоя нет.

1940 г.

Библиография

«ПРОИЗРАСТАЮЩИЕ НА КРАСНОЙ ГЛИНЕ»

Имя современного японского писателя Наканиси до сих пор, в сущности, оставалось неизвестным советскому читателю.

«Произрастающие на красной глине» — первое крупное произведение одного из самых значительных революционных писателей Японии. Оно было написано почти 20 лет тому назад и интересно прежде всего тем, что посвящено «корейской теме», вообще крайне редкой в современной литературе.

В романе две линии, развивающиеся самостоятельно. Первая из них — это линия корейского крестьянина Кима Гиго. Наканиси рисует судьбу человека, согнанного с родной земли японскими колонизаторами. Ким Гиго не понимает, что происходит с его страной после того, как в нее пришли японцы. Он не может помириться со своей злой участью, но вместе с тем и не знает, как бороться за свою жизнь, за свои права. Судьба Кима Гиго с большой силой показывает, что несет народам колонизаторская политика империализма.

Вторая линия — это судьба японского журналиста Максима, который приехал в Корею вскоре после ее аннексии. «Он приехал вместе с потоком таких же, как он, безработных, неудачников, неустроенных, не нашедших себе места на родине». Как и они, Максима мечтал найти в «новой территории», — так официально именовалась Корея после ее захвата, — «свободную страну, где текут медовые реки». Мечты и надежды Максима рушатся. За свое свободолюбие и стремление к справедливости он попадает в тюрьму. Страницы, посвященные тюремной жизни Максима, — одни из лучших в романе.

И Ким Гиго, олицетворяющий в своем образе «пассивное сопротивление» колонизаторам, и Максима, представляющий собою образ оторванного от рабочего движения интеллигента-одиночки, были характерны для Кореи первых лет аннексии. И как ни мало эти образы дают для уяснения современного положения Кореи, современной революционно-национальной борьбы, они будут бесспорно интересны нашему читателю.

И. Наканиси. «Произрастающие на красной глине». Перевод с японского Н. Фельдман. 1940 г. Гослитиздат. Ленинград.

ДВЕ ПЬЕСЫ М. ЧУМАНДРИНА

Жизнь Михаила Чумандрина оборвалась на 35-м году. Он погиб смертью храбрых, увлекая бойцов в атаку против численно превосходящего врага.

Биография и творческая характеристика Михаила Чумандрина, написанные президиумом ленинградского отделения Союза советских писателей, послужили вводной статьей к сборнику его пьес.

«Бикин впадает в Уссури» и «Стойбище Митахеза», публикуемые в сборнике, относятся к последним, наиболее зрелым, годам творческой жизни писателя. В обеих пьесах действие происходит в глухой тайге на водоразделе Сихотэ Алинского хребта. В них одни и те же герои, отважные большевики Матвей Девятов и Лука Робинзон. В пьесе «Бикин впадает в Уссури» они борются за советскую власть против восставших озверелых старообрядцев-кулаков, поддерживаемых иностранной разведкой.

Интервал между пьесами шесть-семь лет — от 1932 г. до наших дней. В «Стойбище Митахеза» трудно узнать староверческое поселение — советская культура проникла и сюда. Но цепко еще держатся за жизнь последние старообрядцы. Острая борьба между старым и новым заканчивается победой самоотверженных советских людей.

М. Чумандрин не хотел расставаться со своими героями — он мечтал написать еще одну пьесу о Дальнем Востоке. «В архиве его, — говорится в вводной статье, — найдено огромное количество рукописей — оконченных и незавершенных. Замыслы его были очень широки: тут и фантастический роман о будущем Ленинграде, и гротесковая комедия, и веселая пьеса для детей, и новая пьеса о Дальнем Востоке, и рассказы о Западной Белоруссии, и большой роман о наших днях... Но основным делом его жизни последних лет была работа над романом «Киров», к сожалению, не законченная».

М. Чумандрин. «Бикин впадает в Уссури», «Стойбище Митахеза». Пьесы. Государственное издательство «Искусство». Ленинград — Москва. 1940 г.

ВТОРОЙ ТОМ ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЕРМОНТОВА

Детиздат выпустил под редакцией и с примечаниями Б. М. Эйхенбаума II том избранных произведений Лермонтова. Сюда вошли прозаические произведения («Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени», «Бэла» и др.) и драма «Маскарад». Примечания содержательны и интересны. Однако следует отметить, что они слишком сложны для детей даже самого старшего возраста. В них упоминается ряд имен и понятий, которые не вызовут у большинства читателей-подростков никаких ассоциаций.

В примечании к предисловию к «Журналу Печорина» Б. М. Эйхенбаум пишет: «Автор подчеркивает «искренность» Печорина и противополагает его запискам «Исповедь» Руссо». Нужно ли говорить, что «Исповедь» Руссо не входит в круг чтения школьников.

В примечании к «Княгине Лиговской» написано: «Княгиня Лиговская» — вещь переходная во всех отношениях: от автобиографического памфлета к об'ективному роману, от юношеских патетических драм к прозе, от «светской» повести к новому жанру социально-психологического романа». Над этой формулировкой призадумается и студент литературного вуза.

В примечаниях упоминаются имена С. А. Раевского, В. А. Лопухиной, Е. А. Сушковой. Кто эти люди, какое отношение имели они к Лермонтову? Думается, что это следовало бы пояснить.

Книга издана очень культурно. Хорошая бумага, переплет. Превосходно, с большим вкусом подобраны И. Андрониковым иллюстрации.

М. Ю. Лермонтов. Избранные произведения в двух томах. Редакция и примечания Б. М. Эйхенбаума. Том второй. Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1940 г.

«ПОЭТЫ-ПЕТРАШЕВЦЫ»

Эта книга, вышедшая в большой серии «Библиотека поэта», является первым изданием, в котором собраны воедино лучшие произведения поэтов — соратников М. В. Буташевича-Петрашевского.

В сборнике представлены 5 поэтов — А. Баласогло, А. Пальм, Д. Ахшарумов, С. Дуров и А. Плещеев. Из этой группы поэтов сравнительно много издавался, как при жизни, так и после смерти, лишь один Плещеев. Произведения Пальма и Дурова, при жизни печатавшиеся не иначе как в повременных изданиях 40—60-х годов, только теперь дождались первого посмертного издания. Стихи Ахшарумова дошли до нас лишь в качестве автобиографических документов в его «Воспоминаниях». Наконец, стихи Баласогло сохранились в полуанонимном издании.

Тем большее значение приобретает выход настоящего сборника. В предисловии к нему В. Жданов дает сравнительно подробный анализ идейно-политических и литературных взглядов Петрашевского и его друзей. Он, в частности, справедливо опровергает формулу «заговор идей», посредством которой пытались определить деятельность кружка Петрашевского. «Этот термин, — пишет В. Жданов, — должен был подчеркивать практическую бесплодность и фактическую безопасность кружка, его отвлеченно-теоретический характер. Но разве не ясно, что именно «идеи» петрашевцев и представляли главную опасность в условиях николаевской России, ибо они волновали умы, пробуждали критическую мысль, укрепляли недовольство и стремление к лучшей жизни?»

Кроме того, «пропаганда петрашевцев сопровождалась целым рядом практических мероприятий». Таковы — организация подпольной типографии, к которой уже было приступлено, выпуск карманного словаря иностранных слов, «этого блестящего документа пропаганды фурьеризма в России», организация коллективной библиотеки социалистической литературы и т. д.

Во второй половине статьи автор останавливается отдельно на творчестве каждого из представленных в книге поэтов.

«Поэты-петрашевцы». Редакция текста и примечания В. Л. Комаровича. Вступительная статья В. В. Жданова. Ленинград. «Советский писатель». 1940 г.

«НАРСПИ» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К 25-летию со дня смерти выдающегося поэта, родоначальника чувашской литературы К. В. Иванова, Государственное издательство «Художественная литература» выпустило на русском языке крупнейшее произведение Иванова — поэму «Нарспи».

Перевод сделан Александром Жаровым. Редактор перевода — В. В. Казин.

Книга хорошо оформлена иллюстрациями и заставками художника Ф. Быкова.

Президиум ССП—Аветику Исаакяну

От имени советской литературной общественности горячо приветствуем вас, большого художника слова, в день 65-летия вашей славной жизни, отданной служению родной литературе и родной стране. Ваши стихи были полны скорби о судьбе народной. В поисках правды вы скитались вдали от родины, но ваши взоры всегда были обращены к ней. Ваши стихи воспевали родину, ее цветы, ее солнце. В стихотворении «Колокол воли» вы воспели свободу, а в «Мгере из Сасуна» создали образ последовательного борца против несправедливости, угнетения, за перестройку мира. Народный поэт, вы, Аветик Саакович, воспели торжество народа и стали участником создания нового мира. Мы желаем вам много светлых лет жизни и уверены, что вы создадите много новых произведений во славу коммунизма.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Ответ читателям и письмо наркому тов. Бенедиктову

Геннадий ФИШ

В прошлом году был открыт и проверен практикой многих районов весьма действенный метод уничтожения зловонного, прожорливого клопа-«черепашки», страшного вредителя посевов. Побывав на полях этой битвы, я написал книжку «Вредная черепашка и теленомус».

В этой книжке говорится о методах борьбы с клопом-черепашкой, об опыте передовых ученых и колхозников. В заключение, быть может, несколько поспешно, но с вполне оправданной решимостью, утверждалось, что в 1940 г. вредная черепашка будет уничтожена.

Однако в 1940 г. ко мне начали прибывать письма от огорченных и разочарованных читателей, искренно поверивших утверждениям, что черепашку можно уничтожить.

Дело в том, что черепашка не только вновь появилась на полях, но ее стало больше, чем в прошлом году. О нашествии черепашки вы можете получить более точные сведения, чем кто-либо другой...

Выходило, что советский писатель ввел в заблуждение читателей, что способ борьбы с вредителем не найден, — иначе чем об'яснить процветание вредной черепашки на бескрайних колхозных полях?

Мне необходимо было убедиться в правоте моей «реалистической сказки», утверждавшей реальность борьбы с черепашкой. И если в моей книге я говорил правду читателям, то кто же несет ответственность за то, что в этом году урожай многих колхозных полей вновь уничтожен?

Я обратился к моему старому знакомому Вл. Ив. Талипкому, работнику Одесского селекционно-генетического института, руководившему борьбой с черепашкой в Вознесенском районе Одесской области.

В этом году в районе ни один процент посева не уничтожен. Что же, быть может в этом районе не было вредной черепашки? Отнюдь нет, — в 1939 году в лесу на зимовку устраивалось в среднем в 10 раз больше черепашки, чем в 1938 году и, однако, в этом районе, особенно в колхозах, обслуживаемых Белоусовской МТС (директор тов. А. П. Сирков), теперь уже речь идет не о борьбе, а о полном уничтожении вредителя. Как боролись с черепашкой? На место ее зимовки в лесу, осенью 1939 года было выпущено 25.000 кур, а весной 1940 года — 35.000. Затем, когда клоп вышел на посевы, — птицефермы передвинулись на поля. На поля были выпущены теленомусы и работали клопоуловители. Результат ясен. Кстати заметим, что если секретарь райкома тов. Стасюк с жаром взялся за борьбу с черепашкой, то органы НКЗ — райземотдел — почти целиком от нее отстранились...

Предложенный в прошлом году метод оказался эффективным для Вознесенского района Одесской области.

Затем я обратился в Волнавахский район Сталинской области—район, в прошлые годы пораженный черепашкой.

Несмотря на неблагоприятные климатические условия, спасен весь урожай. Колхозы расплатились с долгами, имеют ценный семенной запас. В ряде колхозов снято свыше 13 центнеров с га, хотя плотность черепашки, зимовавшей в лесу,—160 клопов на метр!

Старший агроном Волнавахского района — Данил Антонович Хара-Мурза попросту не пустил черепашку на поля. «Трудолюбивые» колхозные куры осенью уничтожили черепашку, залетную на зимовку в лесу. Ранней весной тысячи кур вновь «трудились» в лесу. Основные силы врага были блокированы, окружены и уничтожены еще до вылета...

Отметив, что предложенный способ оказался действительным и для Волнавахского района, перейдем в соседний с ним Ольгинский район, где борьба с черепашкой проходила под руководством научного работника ВИЗР (Всесоюзный институт защиты растений) Валентины Андреевны Щепетильниковой.

На посевах было до сорока клопов на квадратный метр. При трех клопах на метр урожай считается погибшим. Однако в Ольгинском районе богатый урожай спасен! 12.500 кур выбирали клопа с 5.000 га посева. Хаты-лаборатории выпустили на поля 12.000.000 теленомусов, которые поражали яйца черепашки на 3.340 га.

Во время уборки был принят ряд агротехнических мер, направленных против черепашки. И в результате район можно поздравить с хорошим урожаем. Оказалось, что и здесь черепашку можно победить. Отличных результатов добился Новоукраинский район (Кировоградской области), где руководил борьбой Степан Тимофеевич Матковский (научный работник ВСГИ). Куры здесь, уничтожив черепашку, были двинуты на долгоносика.

Можно назвать и другие районы, где черепашка была побеждена теми методами, о которых я писал в моей книжке. Стало быть, правильный метод существует! Стало быть, утверждая это, советский писатель не вводил в заблуждение читателей! Но тогда почему же так много колхозов все еще страдает из-за черепашки? Быть может наш метод борьбы с черепашкой стоит очень дорого?

В сентябре с. г. с трибуны Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Ленина Трофим Денисович Лысенко заявил, что в тех районах, где черепашку уничтожали указанными методами, борьба с ней обошлась в четыре-пять раз дешевле, чем там, где черепашка победила... Значит, метод не только существует, но он дешев и доступен всем колхозам. В чем же дело? Почему черепашка и в 1940 году не уничтожена? Почему, несмотря на полную возможность предотвратить нашествие черепашки, ей гостеприимно открыли путь на поля? Кто виноват в том, что урожай десятков колхозов оказался уничтожен? На все эти вопросы, к величайшему сожалению, я нахожу один ответ. Виноваты органы Наркомзема. Именно они должны были подхватить предложения передовых ученых, именно они должны были сделать так, чтобы опыт и практика колхозов стали достоянием всех угрожаемых районов. Именно НКЗ должен был сделать то, что уже в прошлом году осуществили передовые райисполкомы. И именно этого он не сделал.

На сентябрьском всесоюзном совещании по борьбе с черепашкой заместитель наркома т. Чуенков сказал:

— Мы мало обращали внимания на культурное обслуживание куровода в лесу.

Но как же могли обратить внимание на куровода, если вообще к применению кур в борьбе с сельскохозяйственными вредителями в Наркомземе относились в лучшем случае иронически.

— Тоже, мол, нам наука, нашли научный метод—куры!—презрительно, свысока улыбались ответственные, но не отвечающие за свои слова работники. В вашем распоряжении вся могучая техника и химия нашей страны, а вы лезете с какими-то курами!

Прошло больше года, и Наркомзем, наконец, в середине августа, опять-таки с запозданием, издал приказ о мероприятиях по истреблению вредной черепашки в местах ее зимовки в 1940 году, где пункт о необходимости применения кур напечатан жирным шрифтом. Год упущен, но, как говорится, — лучше поздно чем никогда.

Можно было бы сказать читателю, что автор книжки ошибся лишь в сроках и в 1941 году черепашка — этот бич хлебных нив — будет уничтожена. Однако, обратившись к фактам, мы увидели, что план и приказ не выполняются во всем об'еме. Опыт лучших не внедряется. Аппарат НКЗ пребывает в состоянии аморфной самоуспокоенности и самодовольства. Наркомзем должен повседневно руководить борьбой с черепашкой, активно помогая не только областным управлениям, но и районам, пораженным вредителем. Этого в 1940 году не было. Нельзя ограничиться только изданием приказа, притом вышедшего с опозданием более чем на год.

Если же Наркомзем с подобающей энергией возьмется за дело, организует массы, передаст отстающим опыт передовиков, не будет отмахиваться от действенных мероприятий, каким бы простыми они ни казались, прислушается к деятелям передовой науки, — то наступающий 1941 год будет последним для вредной черепашки, и реалистическая сказка станет явью...

Только убеждение в том, что все это возможно и необходимо, заставило меня написать это открытое письмо.

Сегодня открывается декада бурят-монгольского искусства

Д. ЧЕРНИНОВ. Г. САНЖЕЕВ

Литература возрожденного народа

В дореволюционной Бурят-Монголии была принята старо-монгольская вертикальная письменность, и ныне бытующая в Монгольской Народной Республике. Бурят-монголам, язык которых резко отличается от халха-монгольского, эта письменность была чужда и непонятна. Ею владела лишь верхушка кулацко-ноенатской части населения. Издание литературы на старо-монгольском языке почти полностью было сосредоточено в ксилографических типографиях буддийских монастырей (дацанов), где работала армия переводчиков с тибетского языка и резчиков по дереву. Вполне понятно, вся продукция этих «издательств» представляла собой священные писания буддизма — молитвы, заклинания, религиозные философские трактаты, религиозно-этические романы, рассказы о святых подвижниках, иноках и мучениках.

Не отставали от буддийских проповедников и русские миссионеры. Они успели издать «Евангелие», «Новый и Ветхий заветы». Наряду с этим были изданы «Карма», «Бог правду видит, да не скоро скажет» и другие полурелигиозные произведения Льва Толстого.

Вот все, что можно сказать о дореволюционной **письменной** литературе в Бурят-Монголии.

С 1921 г., после разгрома контрреволюции и изгнания японских интервентов, в Чите началось издание книг и газет на старо-монгольском языке, просуществовавшем до 1931 г., когда был введен латинизированный алфавит. Десятилетие 1921—31 гг. может считаться первым периодом в истории бурят-монгольской литературы.

Еще неразоблаченные в тот период буржуазные националисты воспевали феодально-родовые пережитки и капиталистические отношения в улусе, все то, что они называли «своеобразием» национальной культуры. Они были против замены старо-монгольского алфавита новым. Отсутствие письменности на родном языке и незнание старо-монгольского языка, которому раньше обучались лишь дети привилегированных родителей, обезоруживало молодых советских литераторов в борьбе с носителями контрреволюционных националистических идей в литературе. Вот почему **именно в этот период** группа молодых поэтов в лице Д. Хилтухина, А. Уланова и других начала свою литературную деятельность **на русском языке.** Вот почему отдельные энтузиасты пытались писать пьесы на родном, близком народу языке знаками русского алфавита. И как бы ни было примитивно по содержанию и форме творчество этих, ныне забытых драматургов, можно сказать, что оно отражало в себе то, чем жил тогда бурят-монгольский народ.

Одним из первых и крупнейших представителей бурят-монгольской литературы является Хоца Намсараев, поэт и новеллист. Он вышел из среды народных сказителей — улигерчинов. Его первая поэма «Слово старика Гэлэна» — это страстный памфлет на ламство, на служителей буддийского культа, которые в то время представляли собой многотысячную армию, страшную силу старого быта.

Х. Намсараев прежде всего мастер новеллы. В своем сборнике рассказов «Так было» он воспевает народную мудрость, человеческое достоинство бедняков, их смелость, остроумие и находчивость, с помощью которых они ставят в нелепое положение лам, ноенов и баев. Материалом для этих рассказов служит богатый фольклор.

В рассказе «Яман Жамсо» бедняк Яман спорит с богатым Содбо о том, что он не только сможет лично побеседовать с самим князем, но при помощи тайного колдовства сможет пред всей публикой коснуться тайного места князя.

Содбо при свидетелях обещал отдать своего лучшего коня Жамсо, если он выиграет спор. В большой праздник, когда князь Амбан в дацане перед толпой почитателей поклонялся великому Будде, Яман Жамсо с молниеносной быстротой обхватил ноги князя. Разгневанный князь отдает приказ схватить и казнить дерзкого, но Жамсо просит выслушать его. Он говорит:

— Мне обещано самим ширетуем богатство, если я коснусь тайного места неба. С тех пор ищу я представителя неба, и вот я нашел...

Умиленный князь сказал своим слугам:

— Отпустите его. Для них я небо...

Жамсо получил обещанного коня, а князь остался в дураках.

Живой, сочный, образный язык, народный юмор с некоторой нарочитой наивностью, неожиданные оригинальные концовки — вот что характеризует рассказы Х. Намсараева.

В годы коллективизации Х. Намсараев пишет поэму-аллегорию «Умсо и Хамта» («Единоличие и коллективизм»), где в несколько символической форме описан будущий колхоз.

Одно из крупнейших произведений Намсараева «Цыремпил» — большая повесть из дореволюционной жизни бурят. В ней повествуется о трагической любви бедняка Цыремпила к девушке Должот, которую насильно выдают замуж за сына богатого ноена. Цыремпил ищет счастье и находит его в лагере борцов против царского и капиталистического гнета. Недавно вышла из печати новая повесть Намсараева «Однажды ночью», изображающая классовую борьбу в улусе в первые дни колхозного строительства. В этой повести о возрожденной степи слышится радостная симфония новой жизни.

К первому поколению писателей принадлежит ныне покойный поэт Бависан Абидуев, автор первого сборника стихотворений на бурят-монгольском языке «Солнечное сияние». Огромным успехом среди детских читателей пользуются его детские сказки «Похождение козленка Бабана», «Шанай и Шалай», «Котий Бабай», «Укротитель тигра».

В начале 1931 г. бурят-монголы от старой монгольской письменности перешли к латинизированному алфавиту, что знаменовало собою начало второго периода бурят-монгольской литературы. В эти годы в литературу приходят новые люди, целая плеяда талантливых писателей, точнее говоря поэтов. Это — Цыден Галсанов, Бато Базарон, Ц. Номтоев и др.

Крупнейший среди них — Цыден Галсанов. Он вошел в бурят-монгольскую литературу как поэт-новатор. Он изменил традиционный порядок чередования слов в бурят-монгольском стихе, который почти всегда имел глагольные окончания; наряду с начальной аллитерацией он ввел конечные и серединные рифмы. Интонационно-мелодический строй стиха этим самым стал несравненно многообразнее и богаче. Если раньше чрезмерное увлечение новыми формами стиха приводило нередко Галсанова к голому формалистическому фокусничеству (например, стихотворение «Уран-Хайхан»), то в поэме о колхозной молодежи «Четыре дня и три ночи» эти новые формы в сочетании с лучшими традициями народной поэзии дали поэту возможность создать значительное лирико-драматическое произведение.

Большую работу проделал Галсанов в области перевода русских песен на бурят-монгольский язык. Благодаря этим переводам десятки песен и романсов старых русских и советских композиторов приобрели широкую популярность в бурят-монгольском народе и поются им.

В 1925 г. впервые на бурят-монгольской сцене была поставлена профессиональная пьеса драматурга Аполлона Шадаева «За советы». Для бурят-монгольских зрителей, которые до этого времени, кроме дацанских мистерий «Цам», не видели подлинного сценического зрелища, постановка пьесы из жизни самого народа была новым и интересным явлением. В последующие годы с огромным успехом идут в клубах пьесы Шадаева «Хаанай хашалан» («Гнет царя») и «Несчастная девица». Эти первые сценические опыты еще молодого в то время драматурга скорее представляли собой отдельные драматические сцены, нежели законченные драматургические произведения.

В 1932 г. организованный впервые в Бурят-Монгольской республике Государственный драматический театр открыл сезон пьесой Шадаева «Новый путь»—о первых днях колхозного строительства в бурятском улусе. Эта пьеса, как и первая бурятская комедия того же Шадаева «Мэргэн», показала несомненный творческий рост драматурга. Летом 1938 г. в связи с 15-летней годовщиной БМАССР состоялась премьера первой музыкально-драматической постановки «Баир». Эта пьеса, написанная в стихах А. Шадаевым и Г. Цыденжаповым, является первой и удачной попыткой сценической интерпретации бурятского героического эпоса.

Большой популярностью у зрителя пользуются пьесы молодого драматурга Н. Балдано «Два друга» и «Один из многих».

Бурят-монгольские писатели сделали многое в области перевода: зритель видит на родном языке «Отелло» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера, «Враги» Горького, пьесы Гольдони и т. д.

Произведения М. Горького («Мать» «Песня о соколе», «9 января»), стихи и прозаические произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Жуковского, Шевченко, Джамбула, «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского и многие другие произведения лучших писателей народов СССР стали уже достоянием бурят-монгольского народа.

М. МИХАЙЛОВ

Лук и маски

На народном состязании мэргэнов — славных охотников, лучший стрелок из лука должен попасть в ушко вязальной иглы и раздробить ее. Сута-мэргэн терпит поражение. Победителем выходит Баир, бесстрашный воин, всеобщий любимец. С этого начинается спектакль «Баир».

Послы Желтого хана приносят луки к Бумал-хану. Перед тем как итти войной на Бумал-хана, они хотят проверить силу и ловкость его воинов: сцена ломания луков является одной из центральных в опере «Энхэ—Булат Батор».

Это совпадение сюжетных мотивов в двух спектаклях бурят-монгольского театра очень характерно. Лук со стрелами здесь — не только главное оружие мэргэнов. Он — символ неустанной борьбы народа-охотника, народа-воина с окружавшими его врагами, с суровой и неприветливой природой. Поэзией этой вековой борьбы, гулом прежних битв наполнен народный эпос, песни и сказания Бурят-Монголии. В чистом роднике народного творчества черпали свои сюжеты, темы и образы авторы «Баира» и «Энхэ — Булат Батора».

Поразительны эти маски «Цама», так же, как и все изображения и образы духов и богов, которыми ламы и шаманы застращивали бурят-монгольский народ. Любопытнейшая вещь—все эти жуткие, невероятные, мрачные фигуры изображают, как оказывается, добрых богов, добрых духов. В антирелигиозном музее в Улан-Удэ можно увидеть бесчисленное множество этих богов, нарисованных на миниатюрах из шелка, сделанных в виде деревянных или бронзовых статуэток. Наряду с интереснейшими экземплярами этих богов, представляющими ценность подлинных произведений искусства, существовало массовое, так сказать, «серийное» производство дешевеньких фигурок-божков для бедного народа. Это было религиозное искусство, искусство, эксплоатируемое и насаждаемое дацанами.

И, однако, неоспоримо, что в этом искусстве, его изумительном орнаменте, своеобразнейшем мастерстве рисунка, в богатейшей гамме красок вложено много подлинной народной фантазии, народной поэзии и таланта. И нам представляется, что, отбросив религиозное содержание, в корне изменив тематику и весь характер этого искусства, следует сохранить и развивать дальше чисто техническую культуру его рисунка, живописное и скульптурное мастерство.

Что это вполне осуществимо, можно, кстати сказать, судить по работам замечательнейших бурят-монгольских резчиков по металлу: на выставке, которая открывается в дни декады, будут показаны изумительные образцы такой резьбы. Интересно наблюдать, как, например, на кинжалах старые мотивы украшений, обычно тоже религиозного содержания, заменяются ныне новой, советской тематикой — изображениями серпа и молота, пятиконечной звезды, крошечных «зисов» и т. д. и т. п.

Повторяем, если лук и колчан со стрелами символизировали некогда дух, характер, прошлую историю бурят-монгольского народа, то маски, которые увидят москвичи в спектакле «Баир» — пусть в страшно искаженной, профанированной, религиозно-мистифицированной форме, — раскрывают перед нами его другую черту — неуемную фантазию народа, его могучую и неистребимую страсть к искусству.

Эта долго и искусственно сдерживавшаяся страсть, эта потребность народа «жить в искусстве» по существу лишь сейчас в полной мере раскрылась и расцвела, вышла на волю. Этим об'ясняются многие особенности и характернейшие черты нынешнего искусства Бурят-Монголии, в частности, та удивительная жадность и быстрота, с которыми народ осваивает сейчас новые формы искусства. Октябрьская революция дала бурят-монгольскому народу все. Она не только возродила обреченный во времена царского владычества на вымирание народ, она не только дала ему светлую, счастливую жизнь, она вернула ему право на искусство, раскрепостила подспудные, веками порабощенные и заторможенные силы народа. И, как могучие горные реки снежных Саянов, эти силы хлынули ныне неудержимым весенним потоком.

Бурят-Монголия переживает сейчас весну своего искусства. Народ не имел и не знал национального театра (его «заменяли» религиозные богослужения дацанов)— за короткий срок он создал этот театр. Лишь в 1932 г. была организована первая драматическая бурят-монгольская труппа. Значительно позднее, в недрах первого национального театра начал формироваться театр музыкальный. «Баир» был тем первым драматическим спектаклем с музыкой, который заложил основы музыкального театра Бурят-Монголии.

Так же, как «Баир», «Энхэ—Булат Батор» написан по мотивам народного эпоса. По музыкальной фактуре опера Фролова— очень сложное и трудное произведение, требующее от исполнителей гибкой и разнообразной вокальной техники, зрелого сценического мастерства. Бурят-монгольские певцы (в подавляющем большинстве своем еще зеленая молодежь, недавно занимающаяся искусством) в общем очень хорошо играют и поют в спектакле «Энхэ».

И все же это только первые молодые побеги искусства. Достигнутое нужно еще закрепить и освоить. Самое опасное сейчас для бурят-монгольского театра и его работников, это — возгордиться, почить на лаврах, начать «отдыхать». Слишком многое им еще нужно сделать, многое надо критически пересмотреть в небольшом, но богатом опыте первых лет работы, не замазывая недостатков, не отмахиваясь от них.

Путь намечен правильный, направление взято верное; достаточно прислушаться и присмотреться к певцам и актерам в спектаклях бурят-монгольского театра, чтобы сказать себе: перед нами не просто подготовившиеся за несколько месяцев исполнители, хорошо заучившие мизансцены и музыкальные оттенки; то, что они играют, о чем говорят и поют на сцене, их глубоко трогает, им близко, понятно, задевает их за живое. А в искусстве ведь это самое главное. Искренность, непосредственность, простота и душевность, живость воображения поражают в игре бурят-монгольских актеров.

Казалось бы, сказочный мэргэн Баир или батор Энхэ — эти условные, сказочные герои — чем могут они взволновать современного бурята-колхозника, рабочего, интеллигента? Но в том и заключена бессмертная сила народного искусства, народного эпоса, что не увядает его поэзия, не умирают его образы и идеи. То, о чем мечтал народ, образы эпических героев, которые он взлелеял в своей фантазии, наделив самыми лучшими, самыми чистыми и возвышенными человеческими качествами и чертами, народ видит сейчас как бы ожившими на театральных подмостках в спектакле «Баир», в опере «Энхэ—Булат Батор». Может ли все это оставлять равнодушными актера и зрителя бурят-монгольского театра?

Но дело не только в этом. О чем повествуют и трактуют эти спектакли? О гордой смелости героев, о беззаветной преданности их родине и своему народу, о высоком чувстве патриотизма, о верности и чистоте любви, о справедливом возмездии врагу. Но ведь этими чувствами и мыслями живет современный советский человек, ими проникнута вся окружающая его повседневная действительность. И потому романтические баторы старинных легенд и сказаний сейчас воспринимаются не просто только как исторические или сказочные персонажи. В Баире, в Энхэ — Булат Баторе бурят-монгольские художники увидели прообразы наших современных улан-баторов — красных богатырей. И вот в этой перекличке с жизнью, в этой близости к действительности — огромная побеждающая сила спектаклей бурят-монгольского театра.

Лук со стрелами, доспехи прошлого давно канули в вечность. Страшные маски «Цама» можно видеть только в антирелигиозном музее, да в 6-й картине «Баира». Высокие же идеалы добра и справедливости, счастья, свободы не умирают. Они вдохновляют народ Бурят-Монголии в его строительстве новой жизни, они движут вперед его молодое искусство, воплотившее гений счастливого талантливого народа.

Иван НОВИКОВ

Поэзия бурятского эпоса

Несколько лет тому назад мне довелось работать над переводом одного из многочисленных памятников бурятского эпоса— эпическим **улигером**—поэмой, самое название которой уже звучит поэтически: «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агу Гоохон дорогая». Я с большой радостью вспоминаю то время, когда, работая над «Аламжи Мэргэном», открыл для себя целую новую страну в области народной поэзии.

Огромное общественное значение знакомства с творчеством любого народа вряд ли нуждается в особом обосновании; ясно и без того, что, только прикасаясь к самым истокам новой для нас национальной культуры, мы становимся способными понять и почувствовать все своеобразие внутреннего облика каждого народа и своеобразие путей его исторического развития. Еще и еще раз мы познаем то великое, что заключено в самом понятии **народ,** а через его познание вырастают чувства уважения и живой настоящей любви, которые и крепят нерушимым цементом дружбу и единство наших братских республик.

Мне хотелось бы особо отметить, какое важное значение имеет работа по переводу народного эпоса для самих писателей, берущихся за это дело. Следует, однако, оговорить, что подобная работа невозможна без того, чтобы не полюбить подлинник, не испытать подлинного поэтического волнения при знакомстве с ним и при дальнейшем его изучении. Отсюда вытекает, что нельзя одному человеку переводить все и всех. Не всегда и не все оказывается в характере данного переводчика, а надежда на успех перевода возможна лишь при настоящем художественном увлечении. Только тогда возникает внутреннее право на перевод.

Настоящей и притом изумительно своеобразной поэзией проникнута от начала и до конца любимая своим народом поэма «Аламжи Мэргэн». Вникая в ее очарование и постепенно овладевая им, начинаешь понимать то, можно сказать, **проникновенное** наслаждение, с каким ее слушают на родном языке.

Трудно в немногих словах передать сущность этого, заключенного в ней, очарования. Образы поэмы свежи и непосредственны, краски прозрачны и ясны, события — одновременно наивны и сложнопричудливы. Это — восприятие мира юными, но зоркими глазами, как бы впервые все для себя открывающими. Сказка в поэме переплетается с правдой: сказочные крылатые тенгрии и чудовищные мангадхаи мирно соседствуют хотя бы с широко и размашисто написанной картиною бойкого торгового тракта.

Оригинальной особенностью этого великолепного улигера является быстрая смена образов, как бы накладываемых один на другой, причем все это отнюдь не пестрит, будучи уравновешено крепкою природою синтаксиса и всего речевого лада.

Вот для примера несколько строк, рисующих рождение героя.

Он родился-воцарился,
Где на луг цветов красивых
С лунной веет стороны;
Он родился властелином
Посреди цветов пушистых,
В ласке солнечных лучей;
Он родился на вершине
Бронзовой пятерки гор;
Он родился у истока,
У студеного ключа.

Приведу еще один небольшой отрывок, дающий некоторое представление о динамике всей вещи: торговый тракт.

И на тех ли подводах,
На сорока тысячах,
Триста приказчиков
По тракту переднему
Развозили взад-вперед
Выдр-соболей пучки.
Как фунтами собирали их,
Как во все концы слали их!
Сукна яркие, черные
По тюкам расставляли;
Как под солнцем товары там
Ясным днем принимали;
Да как ночкою темной
Товары те разгружали;
Да как свечами сальными двор —
Свечами двор освещали.
Горы товара!
Высокие горы товара!

Я не могу в этой небольшой заметке говорить об особенностях стиха «Аламжи Мэргэна» и о тех трудностях, которые приходилось преодолевать при переводе ее. Скажу только еще об одном качестве этой бурятской поэмы, это—о высокой ее музыкальности. Проф. Г. Д. Санжеев говорил мне, что почти каждый бурят может сделать себе самодельную однострунную скрипку и что у бурят есть изречение: «Говорящий сказание сидит на перине, поющий — на холме». Так вот и «Аламжи Мэргэн», как и всякое другое эпическое сказание, не просто «сказывают», а ему сопутствует музыка, и музыка эта разнообразна, исполнена нюансов, смены ритмов. Это диктовало необходимость избегать в переводе всякой монотонности и попытаться включить и музыкальное это очарование в самый текст русского перевода.

Если к этому добавить еще, что помимо изучения текста, подлежащего переводу, необходимо было еще и познакомиться с бурятской историей, культурой и поэзией в целом, то станет ясно, как много творческой радости дает такая работа по переводу народного эпоса.

Вот почему мне хочется в дни декады бурят-монгольского искусства пожелать, чтобы подобную же творческую радость испытали и те из моих товарищей-писателей, которые по-настоящему ценят и любят народное творчество.

Як. РЫКАЧЕВ

НЕХИТРАЯ МЕХАНИКА

Если устранить из современной, советской повести А. Котовщиковой «Отец» несколько отдельных, фактических указаний на время и место действия, — а достигнуть этого можно, механически вычеркнув из текста буквально пять-шесть фраз, — она мгновенно превратится в дореволюционное повествование о симпатичном докторе, которого покинула легкомысленная жена, предоставив ему все трудности воспитания взбалмошной дочери, несущей в себе, видимо, некоторые черты дурной материнской наследственности. Конечно, симпатичность или легкомыслие сами по себе еще не являются признаками времени, существенными чертами эпохи, хотя в социалистическом обществе, естественно, больше «симпатичных» врачей и меньше «легкомысленных» матерей, чем в обществе дореволюционном. Но зато, когда доктор Кроликов, отчасти с назидательной, педагогической целью посещает со своей непокорной дочерью «бедную женщину» Тимошкину, обремененную детьми и «выпивающим» мужем, — это, конечно, существенный бытовой признак времени, а именно, времени дореволюционного. И пусть не думает автор, что если он снабдил мужа Тимошкиной титулом «стахановца», то тем самым свел все счеты с современностью и может спокойно вести дальше свое повествование, будто бы ставящее перед советским читателем некую проблему воспитания детей. И пусть не думает автор, что нижеследующим диалогом симпатичного доктора с его маленькой дочерью он способен приобщить читателя к современности:

«— Ты, ведь знаешь, что дети рождаются в больнице?

— Слыхала, — сказала Милочка задумчиво. — Всегда?

— Не всегда. По теперь, когда медицинское обслуживание поставлено очень широко, — ты, ведь, знаешь, как много у нас больниц, яслей, детских домов, — почти всегда...»

Что поделать с читателем, если он не поверит автору, что вышеупомянутая сцена посещения доктором Кроликовым «бедной женщины» Тимошкиной имеет место в наши, советские дни? Что поделать, если в этой сцене Милочка, как две капли воды, напоминает «добрую молодую барышню», а дети Тимошкиной — «кухаркиных детей», испуганных посещением «барина-доктора» и его дочки, представляющейся им не то феей, не то принцессой?

«— Вот, Милочка, — повернулся Павел Денисович к дочери, — видишь, как люди живут? Много детей и... не ссорятся между собой.

Он хотел сказать что-то значительное, чтобы Милочка поняла какую-то важную суть, что люди эти, — главное, мать этих детей, — очень достойны уважения. Но у него ничего не вышло».

А вот у читателя вышло. Ему попадались дореволюционные мещанские повести, и он представляет себе, что должен был сказать в данной ситуации своей «взбалмошной», «избалованной» дочке «благородный» дореволюционный отец. Смотри, мол, дочка, эти люди живут в бедности, а сохраняют человеческий облик... Детки нуждаются в куске хлеба, а не жалуются, не капризничают, не плачут, не огорчают своих бедных, но честных родителей... Не всегда, Милочка, добродетель живет в шелках и злате...

«...Тимошкина при виде их заволновалась, от радости покраснела, забегала из комнаты в кухню. С восхищением глядя на Милочку (маленькая фея, принцесса!), она протянула ей большое яблоко.

— Не надо, не надо! — сказал Павел Денисович и строго нахмурился: — Я, ведь, к вам не со случайным визитом, а как специалист. А это — махнул он на Милочку — просто пристежка моя.

Милочка сказала «спасибо» и положила яблоко на стол...»

Так выглядит в изображении автора встреча **советского** врача — притом, из лучших и благороднейших — с семьей **стахановца.** И вот, отдав словесную дань современности — стахановец! — автор, жизненный опыт которого сводится, видимо, к знанию старого, второсортного литературного материала, нашел нужным наделить этого «стахановца» тяжким пороком — запоем; иначе придуманная им ситуация и трогательный образ «бедной женщины» Тимошкиной, содержащей свою горемычную семью в «опрятной бедности», оказались бы неполноценными. И надо ли удивляться, что автор постыдился вывести этот странный гибрид — выпивающего стахановца — на страницы своего повествования и предусмотрительно упрятал его за кулисы? Я не думаю, чтобы автор вышеупомянутой умилительной сцены был повинен в сознательной клевете на современность — скорее это дурное невежество, которое и в дальнейшем грозит ему серьезнейшими срывами.

Эпизод с семьей Тимошкиной занимает в повести всего лишь три-четыре страницы, хотя автор и подает его, как противоположение, не лишенное символического смысла. Но на этом эпизоде с наибольшей выразительностью сказался «творческий метод» автора, состоящий в прямом перенесении дореволюционных литературных персонажей и ситуаций в советскую литературу. Как сказано, повесть посвящена проблеме воспитания детей. Доктор Кроликов, покинутый женой, не может найти путь к разуму и сердцу своей дочери, теряется перед сложностью ее поведения, хода ее развития. Но суть в том, что в таком виде, как она поставлена автором, проблема просто-напросто для нас не существует, как не существуют ни люди, ни ситуация, если брать их не отвлеченно, а в живом обличии. Это всего лишь бледный отголосок давно умолкнувших и забытых литературных голосов. Сентиментальное благородство и высокая рассеянность милого доктора Кроликова не имеют ничего общего с моральным и умственным строем современного, советского человека. Дело не в том, что доктор Кроликов не может по первому требованию выложить на стол готовую систему воспитания или даже готовое **общее** мировоззрение. Что делать, если доктор Кроликов не удосужился подумать ни о том, ни о другом! Но ведь и то, и другое у этого, казалось бы, положительного советского человека должно, во всяком случае, стоять за плечами, определять его поведение, содержание и окраску его речи, характер его эмоций. Ведь, для художника человек сказывается не столько в изрекаемых им формулировках, сколько во всем своем социальном и семейном поведении, в мелочах быта, в особенностях фразеологии, в невольном движении. А с этой точки зрения доктор Кроликов, в изображении А. Котовщиковой, — типичный дореволюционный «земский врач», друг и целитель бедноты. Вот образец его, так сказать, социального мышления. Огорченный своей первой встречей с «бедной женщиной» Тимошкиной, доктор, лежа у себя дома в кровати, размышляет:

«Сделано гигантски много, — подумал он: — Но еще надо делать и делать! Быт все еще с'едает Тимошкиных». «Он стал думать, что же надо сделать: механические прачечные, дешевые и много их, чтобы белье из стирки получать на другой день, побольше всюду электроприборов и газовых плит, доставку продуктов на дом... И заснул».

Странно было бы возражать против обилия прачечных и электроприборов. Но крайне характерно, в каком жизненном контексте приходят эти соображения Кроликову. Он жалеет Тимошкину, он печалится о ее трудном быте — и как будто не подозревает о тех основных, мощных рычагах, которые меняют — и изменят — ее личное бытие. Короче, бедный доктор Кроликов начисто лишен понимания и ощущения эпохи, в которую попал волей автора, и его мечтания о прачечных и электроприборах сродни либеральным мечтаниям земского врача об увеличении числа больниц для «бедных людей». Это характерно для Кроликова — у него нет ни одной **общей** современной идеи, которой он — хотя бы безотчетно — руководился в своих высказываниях и поступках. В своей главной роли — воспитателя дочери — он все время **теряется,** лепечет какую-то невразумительную ерунду, путает, сбивает девочку с толку, наконец, в целях педагогических, говорит ей явную ложь. Ему неведомы моральные нормы современности, и вся его этика сводится, в сущности, к доброте и благодушию. Вот образец беседы Милочки со своим отцом:

«— А на сборе (пионерском) в прошлый раз, знаешь, про что говорили?

— Ну?

— Про волю. Чтобы волю в себе воспитывать. А потом еще, — Милочка стала смотреть в сторону, — чтобы постепенно... Не с бухты барахты... Ну, подумать, значит, сперва, а потом делать.

— О! Вот это дело! — восхищенно воскликнул Павел Денисович, с интересом глядя на Милочку».

Еще бы — ему даже и эта простая идея была невдомек! Надо быть слепым и глухим к сегодняшнему дню, к новой человеческой формации, сложившейся за два десятилетия на новой земле, в новых социально-исторических условиях, чтобы почесть доктора Кроликова **положительным** типом современного советского человека, как это делает автор, прилагающий героические усилия, чтобы вызвать в читателе симпатию к своему герою.

Столь же далека от современности и жена доктора, к которой автор относится иронически. Но и в отношении к этому **отрицательному** типу автор совершил ту же самую ошибку. Эта (по терминологии автора) полная, красивая, взбалмошная и пустая женщина не имеет никакого касательства к современности, а потому, за давностью времени, сокрушительная ирония автора лишена какой-либо социально-обличительной силы. Из вежливости Кроликов спросил свою жену, как поживает ее теперешний муж—инженер.

«—О, отлично! — ответила она. — Вы себе не представляете. Это настоящий человек эпохи. Так и кипит! Активность страшная! Завод, завод, завод.

— Работы много? — спросил Павел Денисович.

— О, тонны работы! Если бы не я, он, вероятно, не вынес бы...»

Когда Кроликов проявил в отношении своей жены «нечуткость», она подумала о нем: «неотесанный мужлан!». И так далее, и так далее.

Конечно же, это старомодная «дамская» глупость, процветавшая, если судить по фразеологии, три-четыре десятка лет назад, еще в довоенную эпоху. Право, даже глупость несет на себе черты времени, и отнюдь не является понятием абсолютным. Это известно всякому истинному художнику. Глупость Ипполита Курагина столь же характерна для времени и среды, как и ум Андрея Болконского.

Причина неудачи автора крайне типична. Она является прямым следствием элементарного незнания современной, советской жизни. Не выходя из пределов «литературного» опыта, автор пытался — по аналогии — создать образы советских людей. Получился конфуз. В своей совершенной наивности он просто-напросто перенес своего доктора Кроликова — и его жену — и его дочь — и «бедную женщину» Тимошкину — и ее детей — и ее мужа — со страниц старой, второсортной литературы, через гигантское историческое пространство, прямехонько в современный Ленинград, даже не дав себе труда стряхнуть с них хотя бы «бытовую» пыль. Незнание современного жизненного материала, подмена живого опыта литературными воспоминаниями жестоко мстят за себя. Неловкая попытка автора «осовременить» свое произведение несколькими механически вставленными «советскими» фразами неспособна ввести читателя в заблуждение.

А. Котовщикова, «Отец». Журнал «Звезда» № 5—6. 1940 г.

Литературный календарь

К. Ф. РЫЛЕЕВ

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Поэт-декабрист Кондратий Федорович Рылеев, отдавший жизнь за свободу своей родины, родился 18 (29) сентября 1795 г. в селе Батово, Петербургской губернии. Первые творческие опыты Рылеева относятся еще к годам обучения в кадетском корпусе, когда он сочинял шуточную поэму «Кулакиада», а также дошедшую до нас только в отрывках оду «Любовь к отечеству», посвященную фельдмаршалу Кутузову. Однако серьезно литературным занятиям Рылеев отдался только с 1820 г., когда он, переехав на постоянное жительство в Петербург, сошелся с литературными кругами столицы. За пять лет (1820—1825) он поместил в различных журналах и альманахах свыше пятнадцати поэтических произведений, в том числе двадцать одну оду и семь фрагментов из поэмы «Войнаровский», а также несколько прозаических статей и заметок. В 1825 г., в год декабрьского восстания, отдельными изданиями вышли сборник исторических од «Думы» и поэма «Войнаровский», которую Пушкин оценивал «выше всех его дум».

Первые публикации из литературного архива Рылеева появились только в 50-х годах прошлого столетия на страницах герценовской «Полярной звезды» под редакцией Н. Огарева, запечатлевшего свое отношение к поэту-герою такими строками:

Мы стих твой вырвем из забвенья
И в первый русский вольный день
Ввиду младого поколенья
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Среди блестящей пушкинской плеяды поэтов Рылеев выделяется четкой и строгой направленностью всего своего творчества. «Я не поэт, а гражданин», — говорит он о себе, а декабрист Н. Бестужев в своих воспоминаниях свидетельствует, что «единственная мысль» Рылеева, «постоянная его идея была пробуждать в душах своих соотечественников чувства любви к отечеству, зажечь желание свободы».

Впервые подпись Рылеева появилась в печати под известной сатирой «К временщику», помещенной в номере «Невского зрителя» от 20 ноября 1820 г. Сатира эта, направленная против всесильного временщика, душителя всего светлого и живого, Аракчеева, поразила современников своей исключительной дерзостью и получила широкое распространение в «подпольных» рукописных копиях. И позднее, в продолжение всей своей недолгой литературной деятельности Рылеев ни разу не выпустил из рук знамени борьбы за свободу. В отрывках из поэмы «Наливайко», одного из самых поздних его произведений, особенно в «Исповеди Наливайко», современное оппозиционное обществу восхищалось подлинно революционным пафосом. «Исповедь Наливайко» содержащая трагическое пророчество о судьбе самого автора («Известно мне: погибель ждет того, кто первый восстает на угнетателей народа, — судьба меня уж обрекла»), была напечатана в альманахе «Полярная звезда», издававшемся самим Рылеевым совместно с А. Бестужевым-Марлинским.

И. БУКМЭН.

ПАМЯТИ М. БУЛГАКОВА

Прошел год со дня смерти драматурга М. Булгакова. Его памяти был посвящен вечер 14 октября в Доме актера.

— Имя Булгакова, — сказал в докладе о творчестве писателя П. Марков, — тесно связано с историей МХАТ им. Горького. Его пьеса «Дни Турбиных» была одним из первых советских произведений на сцене этого театра, с ним начинала работать молодая талантливая труппа актеров МХАТ, завоевавших впоследствии имена крупных мастеров искусства. Творческий коллектив театра всегда прислушивался к советам взыскательного художника, владевшего законами литературы и сцены.

С воспоминаниями о плодотворной деятельности М. Булгакова, в течение пяти лет работавшего литературным консультантом Большого театра, выступил исполняющий обязанности директора ГАБТ Я. Леонтьев. Он отметил работу М. Булгакова над либретто «Иван Сусанин» и выразил сожаление, что в издающийся сейчас сборник избранных произведений драматурга не вошли написанные им полноценные художественные оперные либретто «Рашель» и «Минин и Пожарский».

А. Горюнов сообщил о новой работе коллектива театра им. Вахтангова над пьесой М. Булгакова «Дон-Кихот».

НА ВЕЧЕРЕ Н. ПАНОВА

Поэт Н. Панов в нынешнем году выпустил книжку избранных стихов. Об этой книжке в «Литературной газете» была напечатана статья М. Алигер. На первом же после летнего перерыва заседании секции поэтов в Союзе писателей был поставлен доклад Л. Тимофеева о творчестве Панова и статье М. Алигер.

Выступивший уже пять лет тому назад со статьей о стихах Н. Панова профессор Тимофеев повторил в своем докладе, в сущности, то, что он писал раньше по поводу тех же стихов. Доклад проф. Тимофеева был крайне академичен и умозрителен. Тов. Тимофеев не ставил перед собой задачи критически рассмотреть произведения Н. Панова, вот почему все его утверждения о «творческом росте» и «идейной углубленности» повисли в воздухе. Установилось совершенно ложное представление, что Н. Панов являлся и является едва ли не единственным мастером стихотворной новеллы. Проф. Л. Тимофеев поддержал этот взгляд и большие недостатки в поэзии Н. Панова оправдал мнимой новизной этого жанра.

Еще менее доказательной была защита недостатков Н. Панова в выступлении тов. М. Чарного. По мнению М. Чарного, говорившего о поэме «Ночь влюбленных», эта наименее удачная вещь Панова является «идеологической» поэмой. Чарный утверждает, что в ней поэт показал, как он прекрасно чувствует современность и как отлично владеет стихом. Что такое «идеологическая» поэма — понять из слов т. Чарного было трудно, а то, что в поэме есть множество пошлостей, было показано выступившими в прениях тт. Сурковым, Коваленковым, Севруком, Тарасенковым и др. Читатели имеют представление об этой поэме и по статье К. Симонова, опубликованной в «Правде» 17 октября.

Собрание могло бы принести поэту большую пользу, если бы Н. Панов проявил интерес к критическим высказываниям. Но т. Панов в своем заключительном слове свел весь вопрос к якобы существующему желанию «вычеркнуть» его из числа литераторов и т. д. и тем самым показал свое нежелание прислушаться к голосу справедливой критики.

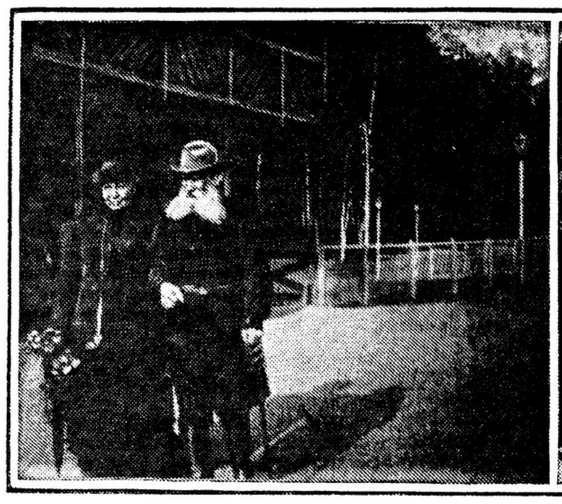
Лев Толстой в кинокадрах

Мы помещаем несколько неизвестных фото, воспроизведенных М. Поляновским с кинокадров, снятых в Кочетах, Крекшине и Москве в 1908—1910 гг.

На левом нижнем снимке: Лев Николаевич с женой Софьей Андреевной прогуливается по платформе ст. Крекшино, откуда они возвращались в Москву в сентябре 1909 г. Внизу направо: кинокадр, показывающий выезд Л. Н. Толстого из своего московского дома в Хамовниках (ныне улица Льва Толстого). Он раскланивается со своими читателями-москвичами, пришедшими приветствовать любимого писателя. Вверху направо: кинокадр, изображающий Льва Николаевича в саду, в имении Кочеты, Тульской губернии, где он гостил у своей дочери Т. Л. Сухотиной.

Этот снимок сделан за два месяца до смерти писателя.

Фото Макса Поляновского.



Работа писателей в Красной Армии

Осенью прошлого года по инициативе оборонной комиссии Союза писателей и отдела культуры Управления политической пропаганды МВО было образовано несколько писательских бригад для работы в красноармейских частях и военных училищах. Около 60 писателей помогали красноармейским литературным кружкам, участвовали в выпуске стенгазет, выступали на вечерах в красноармейских клубах, редактировали произведения красноармейцев.

Прошел год. Итогам проделанной работы и обсуждению дальнейшей связи писателей с Красной Армией было посвящено заседание, созванное оборонной комиссией ССП СССР и отделом культуры Управления политической пропаганды МВО, состоявшееся в клубе писателей 16 октября.

Батальонный комиссар т. Занюк отметил в своем докладе, что метод бригадной работы и формы участия писателей в культурной жизни красноармейцев вполне оправдали себя. Немалую помощь оказали писатели в подготовке к окружной олимпиаде красноармейской художественной самодеятельности. В частности Н. Адуев написал литературный монтаж «Боевые страницы Красной Армии», получивший на олимпиаде оценку «отлично». За работу в частях Красной Армии пять писателей: Н. Адуев, С. Городецкий, В. Долин, А. Карцев и Н. Панов награждены грамотами военного совета, а четырнадцати писателям: С. Болотину, Г. Мдивани, Е. Шевелевой, И. Фейнбергу, П. Дружинину, П. Железнову, М. Шкапской, П. Антокольскому, М. Зенкевичу, Дж. Джерманетто, Н. Боброву, И. Лейтнер, М. Ройзману, Я. Шведову об'явлена благодарность в приказе по Московскому военному округу.

— Дальнейшая работа писателей, — говорил т. Занюк, — должна развиваться в тех же трех основных направлениях, как она велась до сих пор: руководство литературными кружками и выявление наиболее одаренных красноармейцев, участие в работе периодической армейской печати и привлечение к ней способных кружковцев, устройство литературных вечеров, в которых наряду с писателями выступали бы и красноармейские прозаики и поэты.

В предстоящем году писательские бригады должны будут вести работу не только в частях Московского гарнизона, но и на периферии. Поэтому главнейшая задача оборонной комиссии ССП — увеличить количество бригад, привлечь возможно большее число писателей.

Это замечание т. Занюка было поддержано всеми выступавшими в прениях.

— Досадно, — говорил Г. Мдивани, — что лучшие наши писатели остаются в стороне от работы, нужной не только красноармейцу, но полезной и интересной для самих литераторов.

— В первую очередь, — подчеркнул П. Железнов, — надо вовлечь в наши бригады писателей, побывавших на фронтах; они смогут поделиться с нами своим опытом работы в армейской печати в условиях военного времени.

— Было бы особенно полезно, — заметил С. Городецкий, — пополнить наши бригады драматургами, которые помогли бы красноармейцам готовить литературные монтажи, эстрадные номера и выступления для предстоящей через год новой олимпиады художественной самодеятельности.

— Наряду с писателями, — говорит т. Шацкая (Управление политпропаганды МВО), — постоянно связанными с частями Красной Армии, надо привлекать поэтов, прозаиков и драматургов к отдельным творческим выступлениям и к участию в литературных концертах.

А. Карцев и С. Городецкий в своих выступлениях остановились на редакторской работе писателей, которые должны содействовать помещению наиболее удачных произведений в сборники и в газету «Красный воин», давать обзоры вещей, не попадающих в печать, и т. д.

В прениях выступили также тт. Воробьев, Петров, Леонидов, Чернявский, Галицкий, Ройзман, Панов, Кожевников и Кулик.

Литературно-музыкальные вторники

Вечера-встречи авторов — писателей и композиторов — с эстрадными исполнителями будут теперь систематически проводиться по вторникам во Всесоюзном гастрольно-концертном об'единении. Назначение литературно-музыкальных «вторников» — знакомить исполнителей с новыми произведениями писателей и композиторов и в свою очередь предоставить авторам возможность творческого общения с исполнителями.

Два таких вечера прошли с большим успехом, собирая квалифицированных мастеров эстрады, заинтересованных в обновлении и улучшении качества своего репертуара.

Первый литературно-музыкальный «вторник», 8 октября, был посвящен композитору Мариану Ковалю. После характеристики творчества композитора, сделанной музыкальным критиком Д. Рабиновичем, автор познакомил исполнителей с новым циклом «Песни Севера». Некоторые артисты пожелали включить новые песни М. Коваля в свой репертуар для исполнения их в дни предстоящей декады советской музыки и эстрады.

На втором «вторнике», 15 октября, выступил поэт Сергей Васильев. Он прочел неопубликованную еще поэму «Юность Александра» (вторую часть задуманной трилогии «Портрет партизана»), новые стихи («Дворец Советов» и другие), пять песен, частично переложенных уже на музыку и три текста для цикла «Советские романсы».

Артисты Ц. Мансурова и Д. Кара-Дмитриев исполнили опубликованные уже произведения С. Васильева «Граница» и шуточный рассказ в стихах «Что случилось с тараканом».

В бюро национальных комиссий

ПИСАТЕЛИ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

16 октября состоялось первое заседание молдавской комиссии, утвержденной в составе И. Альтмана, В. Финка, А. Германо, М. Сергеевского, П. Маркиша, Д. Бродского, М. Светлова, В. Казина и М. Серебрянского.

С докладом о писателях Бессарабии выступил Л. Корнфельд.

— В Бессарабии сейчас, — сказал докладчик, — около 100 писателей-профессионалов. Среди них есть немало товарищей, своеобразное творчество которых заслуживает особого внимания и изучения. Так, поэт Костенко выпустил 3 книги стихов, которые высоко ценятся любителями поэзии. Поэт Буков, приехавший из Румынии, с большой силой воспевает испанскую революцию и героическую борьбу китайского народа. Интерес вызывает творчество поэтов Неничева, чья книга была из'ята румынскими властями, и Тулчана. Молодой поэт Менюк написал книгу об образе в поэзии, в которой проявил незаурядные способности литературного исследователя.

Из русских писателей наиболее известны тт. Калугин, Иванов, Шварц, из еврейских — Альтман, Дунаевский и Браунштейн.

Комиссия разработала план деятельности на ближайшее время. Намечено создать в Кишиневе Дом писателя и Дом творчества, ходатайствовать об увеличении об'ема выходящего в Молдавии журнала «Октябрь», о выпуске альманахов еврейских и русских писателей и об организации издательства.

ВЫЕЗДНОЙ СЕМИНАР

Выездной семинар для писателей — новое и интересное дело. Такие семинары могут принести громадную пользу писателям, живущим в отдаленных местах, пополнить их теоретические знания, ознакомить их с творческим опытом лучших мастеров слова.

В. Киреев и Э. Гофман, выезжавшие в Мордовскую республику, сделали сообщение о работе семинара. Оба докладчика жаловались на слабое посещение мордовскими писателями и сказителями лекций. И немудрено. Бюро нацкомиссий еще мало сделало, чтобы вызвать интерес к семинарам среди национальных писателей. Оно серьезно не разработало даже плана работы семинаров, не ознакомило заблаговременно местные писательские организации с этим планом, не об'яснило им всей важности такого мероприятия.

Фольклористка Э. Гофман обратила внимание бюро на недопустимое отношение местных организаций к творчеству сказителей. До сих пор, например, не записана жемчужина фольклора — «Эрзянская свадьба», которая целиком известна Ф. Беззубовой.

СВОДНЫЙ ТЕКСТ ОЛОНХО

На том же заседании с сообщением о работе по редактированию сводного варианта якутского народного эпоса олонхо выступил Г. Васильев.

Героический богатырский эпос якутов имеет много вариантов. Каждый исполнитель по-своему импровизирует отдельные поэмы. Сюжетная схема и композиция этих поэм повторяются. В настоящее время уже опубликовано 26 вариантов.

Выступивший в прениях академик Ю. Соколов выразил опасение, не явится ли ошибкой сведение так называемых вариантов воедино, не нарушится ли от этого органичность этих глубоко поэтических поэм. Ю. Соколов предложил выбрать несколько лучших поэм, привлечь к их переводу первоклассных переводчиков и начать серьезную критическую научную разработку их.

Не предрешая вопроса о создании единого текста, бюро приняло предложение Ю. Соколова.

Творческие вечера Конст. Федина в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД. **(От наш. корр.).** Интересно прошли творческие вечера К. Федина, проведенные сектором пропаганды художественной литературы Ленинградского союза советских писателей. После продолжительного перерыва писатель встретился с ленинградскими читателями — рабочими, командирами РККА, студентами, педагогами, учеными, врачами. В Выборгском доме культуры, в Доме культуры имени Горького, в клубе учителей и Кораблестроительном институте, где Федин читал отрывки из своих последних произведений, завязывались оживленные обсуждения и беседы. К. Федин познакомил ленинградцев и со своими новыми замыслами: повестью «Конец Трансвааля» и романом о судьбе актрисы, дочери грузчика, выступавшей во время гражданской войны на подмостках фронтовых театров. Кроме того, т. Федин начал работать над воспоминаниями об Алексее Максимовиче Горьком.

КНИГИ

ФИЛОСОФСКИЕ СОЧИНЕНИЯ В. БЕЛИНСКОГО

Институт философии Академии наук подготовил к печати «Серию классиков русской философии». В 1938—40 гг. выпущены избранные философские сочинения Ломоносова, Чернышевского, Герцена. В настоящее время находится в печати том «Избранных философских сочинений» В. Белинского, составленный проф. В. С. Спиридоновым под редакцией и с предисловием М. Т. Иовчука. Том содержит: «Литературные мечтания», «Идея искусства» (путем сверки с авторскими рукописями, хранящимися в Ленинской библиотеке уточнены разночтения в тексте этой статьи Белинского), «Взгляд на русскую литературу 1846 г.», «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» и две «Статьи о Пушкине». Значительное место в томе занимают рецензии В. Белинского на научные труды по русской и всеобщей истории, критическая статья Белинского о речах, произнесенных на столетнем юбилее Московского университета, рецензия на книгу Григорьева: «Еврейские секты в России». В философский однотомник входит также около 20 писем и отрывков из писем Белинского, в которых восстановлены цензурные купюры, произведенные в них при их первом опубликовании в изданном Ляцким четырехтомнике «Письма Белинского» (1914 г.).

ПЯТЫЙ ТОМ СОЧИНЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО

Вышел из печати пятый том издаваемого Гослитиздатом двенадцатитомного собрания сочинений В. Маяковского.

В этот том вошли агитационные стихи, поэмы, плакаты, написанные поэтом в период 1920—30 гг. и стихи детям.

Многие из напечатанных здесь стихов впервые включаются в полное собрание сочинений Маяковского. Таковы, например, подписи к плакатам о новой экономической политике и помощи голодающим, написанные Маяковским по заказу различных общественных организаций в 1921—22 гг., параллельно с его основной работой в Росте.

В комментариях к тому помещены написанные по просьбе редакции воспоминания художника А. М. Родченко, работавшего совместно с Маяковским над рекламными плакатами. Здесь же печатается найденная в бумагах Маяковского незаконченная «Записка об универсальной рекламе». Записка эта, адресованная в Мосполиграф, была посвящена вопросам организации рекламного дела.

НОВЫЙ ПЕРЕВОД ПОЭМЫ «ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ»

Государственное издательство «Художественная литература» подготовляет к изданию поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в новом переводе проф. Ш. Нуцубидзе под редакцией С. Городецкого.

Перевод Ш. Нуцубидзе сохраняет строфику и ритм оригинала. В нем соблюден грузинский стихотворный размер шаири. Точно переданы философская и бытовая терминология подлинника.

МЕМУАРЫ АКТРИСЫ

В издательстве «Искусство» подготовлены к печати и в ближайшем времени выходят «Записки актрисы», автором которых является заслуженная артистка республики В. Л. Юренева. В автобиографической повести, охватывающей около 40 лет, актриса рассказывает о творческой и закулисной обстановке столичных и провинциальных русских театров, о встречах с крупными писателями, артистами, общественными деятелями. Ряд глав посвящен величайшим мастерам русской и европейской сцены: Давыдову, Савиной, Комиссаржевской, Элеоноре Дузе, Сарре Бернар, Режан и др.

В ноябре В. Л. Юренева, работающая в настоящее время в Московской филармонии, выступит со своим творческим вечером в Большом зале Консерватории. В программе вечера — литературная композиция из «Записок актрисы».

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

Из писем читателей и от наших корреспондентов

ЛЕНИНГРАД. Николай Тихонов закончил перевод поэмы Г. Леонидзе «Сталин» (Детство. Юность). Переведено около 4.000 стихотворных строк. Заключительные главы поэмы в переводе Н. Тихонова будут печататься в журнале «Звезда», отдельным изданием русский перевод поэмы Г. Леонидзе выйдет в Тбилиси.

ЛЬВОВ. Институт литературы Львовского филиала Академии наук УССР готовит к печати юбилейное издание 25-томного собрания произведений Ивана Франко, которое явится первым наиболее полным собранием сочинений классика украинской литературы.

Институт фольклора собрал и записал около 1800 песен и обработал материалы о мелодике украинских песен и об украинском музыкальном фольклоре XVI и XVII веков.

Б. Борисов.

БАРНАУЛ. В марте будущего года исполняется 80-летие со дня рождения ойротского сказителя орденоносца Николая Улагашевича Улагашева. Исполнительный комитет Ойротского областного совета депутатов трудящихся образовал юбилейную комиссию.

В юбилейные дни в Ойрот-Туре состоится первый областной фестиваль народных кайчи (сказителей) и кожэнчи (певцов).

Областное национальное издательство выпускает книгу сказок юбиляра и брошюру о его жизни и творчестве. Радиокомитет запишет на пленку несколько сказок Улагашева.

А. Сотников.

ОМСК. В Омской областной библиотеке им. Пушкина открылась выставка, посвященная 500-летию книгопечатания. В большом зале размещено до 1000 экспонатов-диаграмм, репродукций, зарисовок и образцов книг, изданных за это время.

Г. Климов.

МИКОЯН-ШАХАР. К Октябрьским дням издается альманах поэтов и писателей Карачая. В него входят стихи народных поэтов Касбота Кочкарова и Исмаила Семенова и стихи молодых поэтов.

К. Колин.

САРАНСК. Вышел сборник переводов Шевченко на мордовском-мокша языке. В сборнике — стихотворения «Заповіт», поэмы «Катерина», «Сон» и другие произведения. К сожалению, Мордгиз не указал имени переводчиков, участвовавших в этом сборнике и давших очень хорошие переводы произведений Шевченко.

Выпущен также сборник стихотворений Маяковского на мордовском-мокша языке в переводе писателей и поэтов А. Чекашкина, И. Чумакова, Г. Пьяндина, С. Самошкина и А. Мезякаева.

ТУРТКУЛЬ. Открылся Дом народного творчества, задача которого — руководить работой самодеятельных кружков и колхозных театров и оказывать творческую помощь народным певцам, шаирам, сказителям, музыкантам Кара-Калпакии. По инициативе Дома народного творчества в этом году в республике организуются смотры творчества колхозных театров и художественной самодеятельности.

М. Быкадоров.

КУДЫМКАР. Коми-пермяцкие писатели С. Караваев и Н. Попов перевели на коми-язык «Дело Артамоновых» М. Горького и «Как закалялась сталь» Н. Островского. Издан новый учебник по синтаксису коми-пермяцкого языка. Подготовлен к печати сборник стихотворений молодого коми-пермяцкого поэта Ив. Гагарина.

А. Бычков.

Московская хроника

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ ССП СССР

Решением президиума ССП СССР приняты в члены Союза писателей генерал-майор А. А. Игнатьев, автор мемуаров «50 лет в строю», Р. Кармен, напечатавший в 8-й книге журнала «Знамя» записки «Год в Китае», и Е. Юнга, автор произведения «Колумбы русские».

ВЕЧЕР ПАМЯТИ КЕМИНЭ

В клубе писателей состоялся вечер, посвященный памяти великого туркменского поэта Кеминэ.

Открывая вечер, акад. Ю. Соколов указал на величие народа, сохранившего на протяжении ста лет в своей памяти образ и творчество поэта. Это свидетельствует о глубокой поэтичности народа и о большой народности поэта. С интересным докладом о поэтической биографии Кеминэ выступил П. Скосырев.

В заключительной части вечера А. Тарковский познакомил присутствующих с переводами стихов поэта, а артист Д. Орлов читал отрывки из повести П. Скосырева «Ваш покорный слуга».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕКТОРИЙ

Сегодня в помещении Московского университета им. Ломоносова открывается воскресный литературный лекторий, созданный Московской филармонией для учащихся старших классов. Двухчасовые литературные лекции-концерты составлены в соответствии со школьными программами. Их три цикла — для 8-го, 9-го и 10-го классов, в каждом цикле по 8 лекций-концертов.

Первый цикл начинается лекцией В. Гольцева о «Давиде Сасунском». Отрывки из этого произведения будут исполнены Суреном Кочаряном. Следующая лекция (второй цикл) — комедии Островского (лектор В. Филиппов, исполнители артисты В. Бендина и А. Горюнов). Первая лекция третьего цикла — повести и рассказы Чехова (лекция С. Дурылина, чтецы Д. Журавлев и А. Слободской).

КОНЦЕРТЫ МАСТЕРОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЧТЕНИЯ

В Бетховенском зале Большого театра начался сезон литературных концертов. Мастера художественного слова систематически выступают здесь два дня в неделю — по субботам и воскресеньям. Первым исполнил новую программу «Пиковая дама» Пушкина чтец Д. Журавлев. На втором концерте В. Яхонтов прочел свою новую работу — поэму Маяковского «Про это».

Московская государственная филармония выпустила абонемент на циклы литературных вечеров Пушкина, Льва Толстого и классиков мировой литературы (Гете, Гоголь, Достоевский, Горький и Мопассан). Два абонемента составлены из программ В. Яхонтова и Д. Журавлева.

К 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса (28 ноября) В. Яхонтов заканчивает новую композицию о дружбе Маркса и Энгельса. Два чтеца — В. Чернявский и В. Яхонтов готовят концерты из стихов Блока в связи с 20-летием его смерти.

ПИСАТЕЛИ — ЗАОЧНИКИ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ

Писатели Вс. Вишневский, С. Вашенцев, А. Исбах, М. Колосов и А. Сурков приняты в число слушателей заочного отделения Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Памяти Важа Пшавелы

В ознаменование 25-летия со дня смерти классика грузинской поэзии Важа Пшавелы президиум и грузинская комиссия Союза советских писателей СССР устраивают 26 октября большой литературный вечер, посвященный памяти великого поэта.

После доклада В. Гольцева «Важа Пшавела и его творчество» Б. Пастернак, А. Тарковский, В. Державин, В. Звягинцева, А. Кочетков и К. Липскеров выступят с чтением переводов великого поэта. Сурен Кочарян прочтет отрывки из его поэм.

МАЙСКИЙ ЖУРНАЛ... В ОКТЯБРЕ

МИНСК. **(От наш. корр.).** В Белоруссии издается лишь один литературный журнал «Полымя рэвалюцыі». И вот с апреля этот почтенный ежемесячник исчез из поля зрения читателя. Прошло лето. Недоумение читателей росло. Вдруг в хмурые октябрьские дни журнал «Полымя рэвалюцыі» принес читателю настроение весны — вышел майский номер. И вновь недоумевал читатель: почти половину журнала заняли ставшие уже давно известными читателю материалы **подготовки** к декаде белорусского искусства в Москве, происходившей в июне.

Что и когда предложит вниманию читателя июньский номер?

Письма в редакцию

Уважаемый товарищ редактор!

В только что вышедшем XI томе «Литературной энциклопедии» за моей подписью напечатана статья о журнале Н. И. Надеждина «Телескоп» (1831—1836). Статья сильно сокращена редакцией, однако, в нее введено два «открытия», авторство которых я никак не могу приписывать себе.

Во-первых, в статье говорится, что принципы «народности» и «действительности» в искусстве утверждались в «Телескопе», как «подлинно «романтические», в противовес классицизму». Известно, однако, что наоборот — направление «Телескопа» характеризовалось борьбой с романтической эстетикой. Это и было указано в моей статье, но оказалось замененным приведенной цитатой.

Во-вторых, в статье говорится, что в «Телескопе» «впервые Бакунин начал пропаганду Гегеля; через него Гегелем увлекся и Белинский» и пр. Известно, однако, что в «Телескопе» Бакунин напечатал перевод лекций Фихте «О назначении ученых», а пропаганду Гегеля он начал через год после запрещения «Телескопа» — в «Московском наблюдателе» 1838 г.

Приходится сожалеть, что в «Литературной энциклопедии» так неосторожно обращаются с фактами.

Н. МОРДОВЧЕНКО.

*

Прошу сообщить читателям, что текст известной песни «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» принадлежит не мне, а мною лишь обработан.

И. ФРЕНКЕЛЬ.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ НА ЭКРАНЫ КИНОТЕАТРОВ
ВЫХОДИТ НОВЫЙ
МУЗЫКАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ
МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Авторы сценария — орденоносец Е. Петров, Г. Мунблит
Режиссеры — засл. деятели искусств А. Ивановский, Г. Раппапорт.
Оператор — засл. арт. БССР орденоносец А. Кальпатый
Музыкальное оформление Д. Астраданцев
Музыка из произведений Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина, Бизе, Флотова.

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:
Петя Говорков — засл. арт. РСФСР орденоносец С. ЛЕМЕШЕВ
Клава Белкина — арт. орденоносец Зоя ФЕДОРОВА
Василий Фомич Македонский — засл. арт. РСФСР П. КОНОВАЛОВ
Тараканов — арт. орденоносец Э. ГАРИН
Панков («Онегин») — арт. А. КОРОЛЬКЕВИЧ
Настенька («Ольга») — арт. А. СЕРГЕЕВА.

Производство Ленинградской ордена Ленина киностудии «ЛЕНФИЛЬМ»
ВЫПУСК «ГЛАВКИНОПРОКАТ»

СМОТРИТЕ фильм **«МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»**

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, телефоны отделов: современной литературы и критики, писем, искусств и публицистики, иностранного — К 4-46-19; информации — К 4-34-60; иллюстраций и секретариата — К 2-20-95.

Б 14049 Типография «Индустрия», Москва, Цветной бульвар, 30.